

БЕРЕГИНЯ ФОРЕСТ

**Я не так
далеко**

Море. Зима. Испания

18+

Берегиня Форест

Я не так далеко

«Автор»

2020

Форест Б.

Я не так далеко / Б. Форест — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99979-4

Опять Байона, зимний океан, осколки прошлого и новая «коррида». Любовь не так далеко. И смерть ходит близко. Он и Она — казалось бы, банально. Каждый из них все решил и понял про себя. Двое думали так, пока не оказались у черты, которая до сих пор находилась в тени... Это третья книга трилогии: «Байона», «Человек заката», «Я не так далеко».

ISBN 978-5-532-99979-4

© Форест Б., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Куда стремится сердце	5
Глава 2. Подарок для продавца ночи	10
Глава 3. Опрометчивая сделка	17
Глава 4. Тайное искушение	27
Глава 5. Эффект айсберга	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Берегиня Форест

Я не так далеко

Глава 1. Куда стремится сердце

Ей нравится гулять по ночам. Долгие, студёные, одинокие – ночи дарят ощущение отрешённости. Ещё немного, и питерские ночи сменятся на галисийские, испанские. Отныне в этих странных прогулках рядом будет присутствовать северный ветер питерского байкера, теперь он – и её ветер. Девушка будет слушать рок, любимую подборку, а ветер будет слушать её мысли, охранять, отгораживать от всего, что может прикосновением своим ранить. Теперь только так. И вроде бы не плохо.

На полете к северо-западной части Испании из иллюминатора внизу наблюдается загадочная блистательно-синеющая поверхность океана, изогнутым полумесяцем затянута облаками. Испытывая потребность в большом и сильном рядом с собой, девушка любит им. Лишь стемнеет, она непременно отправится бродить по пустынному побережью Байоны.

– Приветули! – встречая невысокую маленькую блондинку в международном аэропорту Виго, Диего распахивает свои длинные худые руки, сгребает и кружит по залу до тех пор, покуда та не начинает умолять вернуть её на землю.

Диего не изменился. За обвисшей бледно-серой курткой-паркой, перемотанной у горла совершенно идиотским пестрым шарфом, скрывается молодой невысокий худощавый и очень симпатичный парень. Только девчонки в зале прилета заглядываются напрасно. Простодушное выражение лица, наивный взгляд мальчика-монаха не видит поощряющих женских сигналов. Диего так и остался не тронутым.

Едва не забыв багаж, двое смотрят друг на друга, не зная с чего начать разговор. Несколько месяцев проведенных врозь – это так мало и так много. Ему не ожидалось увидеться, по крайней мере, до следующего лета. Ей вообще ничего не ожидалось.

– Я приехала. Вот! – говорит девушка, излучая всем своим видом радость.

– Я скучал! – тут же признается ей друг и дергает по-мальчишески за длинную светлую косу. Чайно-зеленые глаза лучатся радостью встречи. Круглое лицо улыбается. Каштановые завитки волос знакомо топорщатся из-под вязаной линялой шапочки заядлого моремана. Синие джинсы и рыжие сбитые ботинки с развязанными шнурками дополняют его гардероб.

Подхватив один из чемоданов, Диего тащит девушку к выходу и усаживает в автобус. По пути он сообщает, что они теперь будут жить под одной крышей. Он в гостинице у донны Лусии до апреля. Потом планирует перебраться на свою новую яхточку, чтобы находится там постоянно и зарабатывать на ней остальные полгода.

– Знаешь, после возвращения с большой воды на суше мне не по себе. Ветра. Шторма постоянно. Выход даже в залив закрыт. Океан не пускает. Посижу изредка на борту, покурю – чуть отпустит. Ух! Скорей бы зима кончилась!

– Зима только началась, – замечает девушка.

– То-то и оно! – возмущается Диего. Простодушное лицо принимает мученическое выражение. Океан для него является главным элементом счастливой жизни. – Ты меня спасешь, правда, ведь?

– Сделаю все возможное, – летит в ответ ее слабый смешок, мол, нашел спасителя. – Чем спасаться будем?

– Вдвоем придумаем быстрее, – обещает друг. – Я пока справляюсь только этим, – делает он рукой жест курильщика травки.

Они долго болтают. Вернее говорит Диего и в основном об участии в прошедшей регате, приключениях, впечатлениях, а также о новых мечтах и планах, неразрывно связанных с океаном. У него полный рот историй.

Девушка слушает, изредка кивает в ответ, односложно отвечает, чуть улыбается, совсем немножко, краешком рта, и тихонько прислушивается к собственным переживаниям.

Впереди показывается Байона – небольшой красивый городок, омываемый океаном. На разлитой синеве Атлантики светлыми точками разбросаны многочисленные яхты. Уютное местечко радуется беленьким песочком, светлыми строениями, крытыми рыжей черепицей, чистотой и ухоженностью курорта.

Сердце волнуется, начинает выстукивать сильнее. С надеждами девушка вглядывается в очертания знакомого пейзажа. Несмотря на прошлые трагические события, отголоски которых без сомнения достигнут ее здесь, она не заботится о своей безопасности. Ей сюда *надо!* Непогрешимое внутреннее убеждение отменяет прочь все остальное.

«Точка невозврата пройдена», – заливает душу мрачное удовлетворение. Если придется уплатить слишком большую цену за возвращение: что ж – она готова!

– Ты какая-то неузнаваемая, подруга, – замечает, наконец, Диего отсутствующий вид спутницы. Ее глубокие сверкающие глаза вдумчиво высматривают город. – Тебя случайно в России не подменили?

– Вполне возможно... меня подменили еще здесь, – откликается она.

– О чем речь?

– Да... много всякого, – уклончиво отвечает девушка.

– Жуткая интриганка! – улыбается Диего.

– Могу, умею, практикую! – автоматически доносится в ответ.

– А тут чего? – он шуршит пакетом, пытаясь заглянуть внутрь.

– Приедем – увидишь, – отнимает пакет девушка, легонько щелкая друга по носу.

– Подарочки, небось? – блаженно улыбается Диего и облизывает губы.

– Угу! – кивает она.

– Пойду, доплачу водителю, чтоб прибавил газу и нигде по пути на светофорах не вздумал останавливаться! Очень хочется быстрее приехать, – вертится в кресле парень. – Давай сделаем вид, будто уже приехали? Давай? Давай? М! – издавая заискивающий звук, Диего просяще протягивает к ней руки ладонями вверх.

– Это тебе поможет продержаться, – улыбается девушка. К нему на ладони высыпается горсть шоколадных конфет. В Испании таких не делают. Дальше следуют восторженные односложные звуки, шелестение оберток и громкое чавканье.

– Расскажи о Карлосе, – просит она.

– Давай лучше я тебя к нему отвезу? – предлагает друг.

– Ой, нет! Что ты? Не надо... – пугается девушка.

– Хе-ге! Вон кто оказывается директор нашей паники! – кивает Диего, подшучивая над ней по обыкновению. – А как же твой немой музыкант?

– Давай лучше про регату, – побледнев, девушка отводит взор.

Диего перестает жевать конфету, роняя обертку себе под ноги, смотрит внимательно, потом легкомысленно машет рукой.

– Я тебе так скажу: все неприятности случились. Теперь приятности попрут, – подмигивает он.

С Диего легко дружить. Он не любит конфликтов и избегает осуждения окружающих. Растроганная участием, девушка утыкается ему в плечо.

– Знаешь, вдали отсюда я поняла, что именно здесь, в Байоне *мое* место! Оно всегда ждало меня!

Диего приобнимает ее с заботливостью старшего брата.

– Надеюсь, ты надолго?
Девушка поднимает голову.
– Навсегда! – сияет она.

Несколько секунд переваривая информацию, Диего издает восторженный вопль, пугая пассажиров, и лезет снова обниматься.

– Эх! Заживем! – радостно обещает он, потирая руки.

Девушка смеется. Напряжение уходит. Последние невидимые щупальца Питера отрываются, выпускают на волю. А за окном уже мелькают улицы Байоны – тихие, самобытные, родные...

– Дом, милый дом! – вырывается само собой, как только они с Диего оказываются у калитки небольшой мини-гостиницы.

Донна Лусия встречает на пороге. Невысокая, опрятно и со вкусом одетая в строгое темно-коричневое платье с брошью у высокого ворота, с добрыми карими глазами и забранными в пучок темными волосами – хозяйка гостиницы не изменилась. Добавилось только пару морщинок в уголки глаз.

Не в пример своим горластым, шумным, взрывным соотечественницам, донна Лусия отличается от них доброжелательной сдержанностью и тихим голосом, неторопливыми движениями, ненавязчивым вниманием и деликатностью. Ценное качество для женщин!

Встречая гостью с радушием, донна Лусия обнимает, берет за руки и уводит в гостиную, предлагая расположиться на удобном диване, куда Диего перекачивает через порог чемоданы. В небольшом двухэтажном особняке, переделанном под проживание отдыхающих, комфортно, красиво, царит идеальный порядок.

– Дай на тебя посмотреть, моя хорошая! – ласково говорит донна Лусия девушке. – Бледненькая какая! Похудевшая! Как ты жила все это время? – сокрушается она.

– По-разному, – улыбается девушка и открывает пакет. – Я Вам тут кое-что привезла.

– Санта Мария! Самый чудный в мире шоколад! Ты не забыла... – светится донна Лусия. В благодарном порыве пожилая испанка обнимает девушку, другой рукой прижимая к себе увесистые плитки с целыми вишнями.

– И белый чай, – сражает донну Лусию девушка контрольным нырком в пакет с подарками. Протягивая коробку с чаем, она широко улыбается, ее переполняют добрые чувства.

– А мне? А мне? – шмыгает вокруг Диего и поскуливает. Пытаясь уподобиться голодному песику, он вызывает общий смех.

Помня, как они сошлись сразу и доверчиво, девушка вынимает из пакета набор блесен для морского лова, а также специально припасенный апельсин, и протягивает ему без слов.

Издав вопль восхищения блеснами, Диего переводит взор на апельсин. Он удивляется, задумывается.

– Помнишь, с чего началась наша дружба? – подсказывает девушка, и он, наконец, смеется, неумело чмокая ее в щеку.

Пока донна Лусия прячет в ящик комода вкусности, Диего сбегает на кухню и разрезает апельсин пополам. Возвращаясь, он опускается рядом с девушкой на диван, возвращая половинку. Обоим нравится сидеть и посмаковать цитрусовую приятность.

Непонимающе улыбаясь, донна Лусия наблюдает их странный ритуал. Она еще не оставила тайной надежды, что девушка с Диего поженятся. Добрая женщина до сих пор не догадалась о том, что Диего обнаружил у себя редкую, но как оказалось спасительную особенность не испытывать сексуального влечения ни к кому. Да и девушке никто не нужен. Решено больше не причинять себе боли любовного разочарования. Ожидания встретить родное и теплое в море человеческих интересов ею сознательно вытравлены.

– Вы выглядите такими счастливыми вместе! – замечает хозяйка гостиницы тоном опытного сводника, разливая по чашкам кофе. Не подозревая, что находится в обществе двух бес-

конечно далеких от пресловутого семейного счастья людей, донна Лусия напрасно надеется устроить их судьбу.

– Так и есть! – жмурится от удовольствия девушка.

Диего смотрит на нее хитрющими глазами.

– Мы тебя больше никуда не отпустим! – заявляет он, опять дергая за косу и тормоша подругу так, что голова начинает болтаться из стороны в сторону.

– Пусти, угробишь! – смеется она. Расплетая волосы, девушка с облегчением встряхивает светлой волнистой роскошью и с удовольствием потягивается.

А потом, сидя втроем за праздничным столом и подъедая галисийский миндальный пирог, испеченный самой хозяйкой, они много разговаривают: вспоминают лето, рассказывают новости, расспрашивают девушку о жизни в России.

Избегая давать оценку людям и событиям, не выставляя напоказ свои эмоции, девушка сдержанно пересказывает историю жизни, не забывая при этом дурачиться и толкаться с Диего.

Слушая, донна Лусия хмурится, охает и сочувственно качает головой, поднося руку к губам. Но глядя на их шалости, улыбается, приобретая совершенно умиротворенный вид. О досадных моментах недавнего прошлого не вспоминает. А, признаться, девушка боялась, что хозяйка гостиницы не захочет брать к себе вновь постоялицу, из-за которой ей пришлось пережить пусть небольшие, но все же неприятности.

С хрустящей сладкой корочкой, щедро сдобренный миндалем и сахарной пудрой, с черным горьким кофе пирог чудо как хорош! Становится снова легко и беззаботно. В кругу этих людей выходит даже как-то по-домашнему тепло, и девушка незаметно отогревается душой почти до прежнего состояния...

Затолкав обеими руками недоеденные кусочки с тарелки в рот, Диего мычит, утирая пальцы о джинсы.

– Мне пора на работу, а ты отдыхай с дороги.

– Куда-куда? – лукаво переспрашивает девушка. – На работу? «Возлюбленный океаном» отбросил жабры и отрастил лапки?

Они обмениваются взаимными понимающими смешками.

– Погода не всегда позволяет выудить рыбку. Летний баблалос не скоро, а деньги надо где-то зарабатывать, – резонно замечает друг.

– Логично, – соглашается она, сразу же посерьезнев. Девушка и сама находится в крайне стесненных финансовых обстоятельствах. Ближе к курортному сезону на горизонте маячат очередные бытовые сложности с поиском жилья по адекватной цене. Возможны неприятности с властями из-за просроченных к тому времени документов. Но несколько месяцев в запасе имеется.

– А ты чем думаешь зарабатывать? – интересуется донна Лусия.

– Пока не знаю, но обязательно найду! – вздыхает девушка.

– Сейчас в городе работы почти нет, потому что зима, – предупреждает хозяйка гостиницы.

Кивнув с пониманием, девушка призадумывается. Жизнь предстоит нелегальная, а значит без социальных гарантий и хороших заработков. Не хотелось бы втискивать себя в формат обычной для мигрантов работы – самой простой и мало оплачиваемой. Уборщицы, посудомойки, няни, сиделки, продавщицы в ларьках, разнорабочие... многие цепляются за первую попавшуюся работу, чтобы выжить. И привыкают так жить. И перерождаются в то, к чему привыкают.

Попросив поселить себя в прежнем номере, отдав оплату за первый месяц проживания и, тем самым, отвоевав у донны Лусии право побыть одной, девушка сбегает из-под гостеприимного крова, даже не распаковав чемоданы. Все потом. Нужно срочно спуститься в порт, поздороваться с океаном.

Байона окутывает прохладным сырým ароматом водорослей и хвои, укрепляет в душе ощущение долгожданной свободы. Небо успевает затянуть белесой пухлостью низких туч. Сверху срываются и падают редкие снежинки. По мере приближения к порту плавно нарастает снегопад.

Дома, башенки, малые часовенки, доминиканский монастырь, площадь, заборы, лесенки, тротуары – все сделано из природного камня разных оттенков, ухоженно и прекрасно в своей элегантной простоте. Извилистые улочки стекают вниз к проспекту Брасиль. Мелькают приятные взору каскады черепичных крыш, старинные фасады церквей с открытыми настежь дверьми, жилые дома с кованными ажурными балкончиками, уютные кафе, ресторанчики, лавки и магазинчики.

Несмотря на облепляющий снег, прохожие мужчины по обеим сторонам улиц заглядываются на красивую незнакомку, награждают комплиментами, кричат ей что-то о русалках. Одно слово – испанцы!

Она заглядывается на скучающих котов. С окон домов, из-под навесов кафе, с порогов магазинчиков с философским безразличием взирают они на мир. Одного из них, пушисто-белого, удастся мимолетом погладить. Не ожидающая подобного покушения на свою персону, до смешного изумленная мордочка стремительно скрывается в подворотне, удирая на полусогнутых лапах.

– Сначала мечтаешь о большой и чистой любви, а потом у тебя появляется кот, – печально улыбается престарелая продавщица сладостей, закутанная в темную шаль крупной вязки. Наблюдая за девушкой еще издали, она сидит на складной лавочке у порога своего магазинчика и пьет горячее какао, поглаживая трехцветного любимца.

Молчаливо сочувствуя, девушка проходит мимо. Она предпочитает передвигаться по Байоне, не обращая внимания на людей. Лицо выражает не то печаль, не то задумчивость. Несколько часов пути, и вот она снова в своей ранее утраченной реальности. Да, это, несомненно, ее мир! Здесь одинаково хорошо грустить и радоваться.

Беспризорность мрачного Питера с дрянной погодой сменяется ощущением долгожданного обретения милого сердцу побережья. Уютный городок окутан продолжительной сиестой длиной в зиму. Предстоит по-новому познакомиться с ним. Она – наивная, чувственная, веселая, открытая людям – познала тут незабываемые моменты. Кажется, то было не прошлым летом, а в прошлой жизни...

«Любить людей – не самый удачный способ быть счастливой» – сказал однажды Ник. Девушка цепляется за эту фразу питерского байкера и пытается найти альтернативный смысл в своем одиночестве. Это может спасти ее. Должно.

Но мысли о двух мужчинах – Таро и Карлосе – не дают покоя. О Таро вспоминается с горечью любви несбывшейся. О Карлосе думается с неясным, до конца не оформившимся ожиданием наладить нормальные человеческие отношения, не остаться врагами. Касаясь и улетающая, мысли возвращаются, придавая существованию вес.

Если вдуматься, до встречи с Карлосом и Таро девушка никогда так ярко не жила и не чувствовала, не испытывала сильных противоречивых эмоций, не стремилась к полному обладанию другим человеком. И теперь она подсознательно связана с двумя мужчинами. Девушка еще не осознает этого, не отдает себе отчета в том, что вернулась сюда за продолжением...

Глава 2. Подарок для продавца ночи

Сводчатый потолок и стены старого испанского подземелья полностью покрыты бурым грибок-алкоголиком. Прохладно. Слегка влажно. Воздух пропитан тонким ароматом перебродившего виноградного купажа. Длинный широкий туннель скупо освещают круглые прожжавельные люстры в виде колес от телеги. По левой стороне у стены выстаиваются на деревянных стояках вниз горлышками штабеля толстостенных бутылок с вином. На каменном полу сыро и скользко от крови.

Жилистый сухопарый изрядно избитый молодой парень лет двадцати дрожит у ног сидящего на стуле степенного сильно седого мужчины в дорогом черном костюме. Сидящий изучает его острым злым взором. Он недоволен. Пальцы со старыми тюремными наколками изредка постукивают по ноге.

За спиной парня стоит еще один человек, сложив руки перед собой. Тонкие ремни кобуры с двумя пистолетами по бокам перетягивают белую рубашку, обрисовывая ладно сложенное тело мужчины средних лет. Выразительные черты надменного лица разрезают длинные шрамы. Вокруг троих собрано плотное кольцо мрачных людей с оружием на изготовке.

– Лютый, по... – парень не успевает договорить, вскрикивает, корчится и умолкает. Это один из окружающей охраны резко выходит из круга и бьет ногой по корпусу. Так напоминает о праве раскрывать рот только тогда, когда к нему обратятся.

Лютому охота закурить. Скрипнув стулом, он вынимает сигару, но смотрит на бутылки и с явным сожалением отказывается от намерения. Особый микроклимат подземелья нужно оберегать. Виноделие требует уважительного отношения и заботы.

Сигара застывает у мясистого носа. Вдохнув пару раз, Лютый убирает сигару обратно, изображая сожаление. Несмотря на крайне недовольный вид, сиплый прокуренный голос звучит буднично, без единой нотки раздражения. И от того атмосфера еще больше нагнетается.

– Здоровая выдержка – явление редкое по нынешним слюнявым временам. Неплохо ты себя показал, Шрам, – намекая на то обстоятельство, что в результате ошибки на месте парня еще недавно мог оказаться человек с изуродованным лицом, Лютый встречается со спокойным уверенным взглядом того, к кому обращался. – Несмотря на то, что ты давно живешь «по понятиям», я ведь сначала на тебя подумал...

Под сводами плохо освещенного туннеля владелец ночного клуба по кличке «Шрам» ничего не говорит в ответ. Сердце бьется ровно. Душу наполняет отвращение к словам говорящего. Единственным внутренним физическим отклонением является головная боль. Сейчас бы хоть банку пива холодного ко лбу прижать.

Оба переводят взгляды, наблюдая истеричный приступ страха ползающего перед ними. Пока Лютый молчит, Шрам вспоминает о своих бойцах. Люди Лютого все здесь, окружают плотным кольцом, в то время как люди Шрама томятся тягостным ожиданием под стенами завода по производству вина.

– Что ж ты сынок делаешь? – обращается Лютый к избитому в мясо окровавленному парню тоном опечаленного родителя. – Подводишь меня. Я ведь посоветовал тебя порядочному человеку, – указывает он Шрама.

У Шрама внутри все передергивается от ненависти к говорящему, но внешне он хранит ледяное спокойствие.

– Ты меня выставил в плохом свете. Не хорошо! – вздыхает Лютый. Говорит он спокойно и вежливо, однако избитого трясет еще больше.

В каменном полу небольшая канавка. Время от времени бутылки само по себе взрываются и содержимое стекает по ней, выводя лишнюю сырость. Парень дергается, увязая в канавке локтем.

– Не губи, Лютый! Меня заставили! Я же все вернул, все рассказал! – молодой голос срывается на взвизг.

Лютый вновь переводит взгляд на Шрама.

– Говорят, Маер женился, – светским тоном замечает он. Лютый словно забывает о скрюченном у его ног парне. – С чего вдруг?

– Потомством обзавестись пора, – глубокий голос Шрама звучит сухо и веско.

– Дети – это правильно. Сам когда женишься?

– Пока не думал.

– Начни... думать, – с нажимом советует Лютый.

Шрам молчит. Он позабыл, как заводят нормальные знакомства, ведут себя с порядочными женщинами, заводят семью, детей, доверяют друзьям, полагаются на партнеров по бизнесу, радуются простым вещам. Его образ мыслей и действий предусматривает уничтожение, искоренение слабости человеческих отношений.

– Ты, верно, знаешь о моей беде? – спокойно продолжает Лютый. – Жена не может разродиться. Опять выкидыш.

Шрам понимающе склоняет голову.

– Я так о наследниках мечтал, – скрипит Лютый.

Шрам продолжает спокойно созерцать опечаленность старой сволочи. Если бы у Лютого были дети, он убил бы их всех!..

Тут избитый парень снова не выдерживает.

– Прости меня, Лютый! Пощади! – хрипит он без особой надежды в голосе.

– Не у меня, а вот у кого ты должен сперва прощения спрашивать, – указывает Лютый на владельца ночного клуба.

Парень подползает к ногам Шрама и тут его развозит полностью.

– Сорвался я, Шрам! С кем не бывает? Бабки то позарез нужны! Семья большая, ты ведь знаешь! Такого больше не повториться! Клянусь! – торопливо говорит парень, трусливо поглядывая почти невидящими заплывшими глазами вокруг себя. Но все напрасно.

Шрам молча наблюдает истерику. Выкачать из предателя нечего, как-либо использовать дальше кроме острстки для других не имеет смысла. Ни ненависти, ни жалости к парню Шрам не испытывает. Собственная глупость завела того в ловушку. На многое ли он надеялся, кусая кормящую руку?

Вспотев, парень застывает на холодном полу. Под жестким пронзительным вниманием Шрама, он сознает свою обреченность. Взгляд стекленеет в своей неподвижности.

– Самовольничал. Пустил в расход двоих своих товарищей. Предал близких. Забрал у Шрама то, что принадлежит мне и в бега, – оглашает обвинение Лютый все тем же отстраненным тоном, так не подходящим в сложившейся ситуации.

– Микель меня взял за жабры! Малой брательник ему много должен, – плачет парень, голос вновь соскальзывает на высокие ноты. – Мы уже все из дому вынесли, продали все что смогли.

Шрам знает методы наркобарона Микеля. Тот давно роет под него. И это взаимно. Только правила, налагаемые в городе Ворами и контролируемые Смотрящим, не позволяют им прикончить друг друга.

– Прости! Такого больше не повториться! – умоляет парень.

Шрам знает, каким образом следует навсегда подавлять предательство. Знают и все остальные. Это послужит им очередным напоминанием.

– Конечно, не повториться, – говорит Шрам. Дождавшись знака Лютого, он достает пистолет и простреливает предателю череп.

На долю секунды перед выстрелом он колеблется. Можно было успеть завалить Лютого, разрядив магазин в гнусную рожу. И пусть его сразу же изрешетит бригада Лютого. Плевать,

как и когда уходить. Но простой смерти старого упыря мало! Надо дать ему почувствовать всю боль и горечь поражения!

Звук выстрела гаснет, плескаясь под темными сводами.

– Погода сегодня славная! – словно ни в чем не бывало, замечает Лютый. – Зима приходит, как положено, со снегом.

В Байоне не бывает морозных снежных зим. Разве что в порядке исключения какой-либо циклон заблудится. На северо-западном побережье Испании зимы теплые, ветреные, для их климата привычно дождливые. Но Лютому никто возражать и не думает.

Шрам убирает пистолет в кобуру. Постепенно он все больше оказывается вовлеченным в мир, который сам хотел уничтожить. Лютый встает.

– Если нужен буду, ты не стесняйся, приходи. Оно по любому зачтется, – сипит старая тварь и хлопает Шрама по плечу, словно каленым железом обжигает.

Каменя, Шрам мрачно взирает вслед. «Близкие» и личная охрана вытягиваются за Смотрящим, медленно продвигаются по туннелю и, вильнув в поворот, исчезают за углом.

Обширное винное подземелье критически сужается, становится тесным и душным. Память озаряется вспышкой, ослепляет...

...много света... ярко-красной крови... криков... Лютый тогда еще не сгорбленный старик. Ублюдки! Их было четверо обдолбанных упившихся вырождков, убивающих молодую семейную пару...

Прикрыв глаза рукой, Шрам стоит с перекошенным лицом. Понадобится время, чтобы унять вскипевшую боль, справиться с воспоминаниями, разрывающимися на куски. Долгие годы он живет и действует в злой неиссякаемой потребности свести с Лютым счеты.

За дальними стеллажами слышатся звуки. Появляются двое «мусорщиков». Принеся с собой необходимый хозяйственный инвентарь, они топчутся в сторонке, терпеливо ожидая пока можно будет унести труп и замывать пол. Опоминаясь, Шрам уходит.

Выбираясь на поверхность, мужчина направляется к припаркованным на территории винодельни трем BMW. Два внедорожника и один представительского класса – они все лаково-черные. Агрессивность и мощь немецкого производства под стать их владельцу. У авто сгрудилась дюжина дебелых лбов. Цепкий прищур Шрама с напряженным вниманием окидывает своих. Все на месте. Двое приближенных спешат навстречу, остальные настороженно сканируют территорию по периметру.

Выдрессированные им специально, в режиме боевой готовности, они сделали все как надо. Происшествие с украденной партией оружия обернулось малой кровью. Не напрасно он подбирал себе команду. Природа наделила его интуицией и несгибаемым характером. Сегодня это пригодилось. Мрачный с дикой головной болью, Шрам отдает приказ возвращаться в Байону.

Уже наметилось утро. Близкие серые небеса плюются редким снежком в лобовое окно. Стройные ряды молодых виноградников какое-то время взбегают по обеим сторонам дороги к верхушкам пологих холмов. Короткие лозы тепло высвечивают из молока тумана. Контурные очертания невысоких гор бледнеют вдали. За ними – его город. Шрам по привычке гонит на большой скорости. Машины сопровождения стремятся держаться рядом, нервируя других участников дорожного движения.

Шрам старается не допускать оплошностей, держать слово, всегда выполнять обещанное. В их кругу репутация превыше всего. Порой за уважение приходится платить высокую цену. До сих пор у него сбоев в поставках не случилось благодаря личному контролю, неусыпной бдительности и своевременному устранению возникающих помех. Стоило отвлечься один раз, и на тебе...

Въезжая в еще спящую Байону, Шрам направляется ни к себе домой, а туда, где проводит большую часть времени. Переступив порог роскошного ночного клуба, расположенного в

северной части городской набережной, он морщится. Кругом бедлам, горы пустых бутылок, битых бокалов, перепачканной посуды с разбросанной по столам закуской, остатки кокаиновых дорожек, куча растрепанных голых девиц – все это валяется, сопит, храпит и воняет.

Безобразия таких масштабов Шрам не приемлет. Клуб теперь элитный. Он долго бился за железный порядок и дисциплину без всяких исключений. Но приятели есть приятели. Виновики происшедшего – это беспардонные прожигатели жизни, сынки богатеньких родителей. Шрам сошелся с ними на заре своей криминальной карьеры. Не имея общих дел ни тогда, ни сейчас, владелец ночного клуба в их компании иногда развлекается. Вчера веселье закрутилось без него, переплюнув знакомый сценарий.

– Это что?! – раздраженно вопрошает Шрам у одного из своих работников, переступая лежащее на пути посапывающее женское тело, прикрытое лишь порванными трусиками.

– Они только под утро успокоились, – виновато мычит тот.

Взгляд Шрама ввинчивает шкафообразного секьюрити в пол. Подчиненный втягивает голову в плечи, потупив взгляд.

– Надо было вовремя вызвать такси, отправить гуляк по домам, а девок просто сопроводить за двери, не дожидаясь состояния полной отключки. Я должен напоминать тебе твои же обязанности?

Потребовав две таблетки аспирина и управляющего, Шрам поднимается наверх в кабинет. В хаотичном беспорядке собственного ночного клуба резче обрисовывается внутренняя опустошенность.

В последнее время клуб «Наутико» сильно изменил свою политику в отношении клиентов и персонала. А все потому, что популярность заведения подогревается возросшим вниманием криминальных элементов. Стоило Шраму стать во главе оружейного трафика, в Наутико появилось больше бандюков, «распальцованных» и не очень, а также молоденьких глупых девчушек, мечтающих в злачном месте неожиданно встретить свою «ту самую любовь», и одиноких женщин в поисках властных и денежных партнеров. Наивные дуры, уезжая из клуба с объектами своей охоты, потом в лучшем случае проработанные во все интересные отверстия, поколоченные и униженные, скулили дома, в худшем – попадали в больницу, подобранные где-либо в темном переулке сердобольными прохожими.

Вслед за этим пришли специфические проблемы от бузотерства до поножовщины с перестрелками. Один раз клуб разнесли почти в хлам. Дралась все со всеми. Били лицами об зеркала и стойку бара. Тех, кто пытался снимать событие на смартфоны, взобравшись над толпой повыше, стаскивали обратно и били тоже.

Чудом обошлось без трупов. Но Шраму пришлось договариваться с полицией, нажимать определенные педали теневого механизма с целью приструнить уважаемую братву, наказывать простую, но яростную шпану, отбивая желание беспредельничать, усиливать охрану из разряда бывших вояк, спортсменов и тех же самых бандюков с опытом отсидки, менять требования к «фэйс»-контролю, ужесточать правила поведения в клубе.

Женский обслуживающий персонал вместо проблемных испанок полностью был заменен на румынок. Большинство девушек отбиралось из неблагополучных семей Румынии до двадцати трех лет и без высшего образования. Они оказались на деле более неприхотливы, стрессоустойчивы, выполняли недельную норму сбора и проявляли лучшую изобретательность в работе по раскручиванию любого клиента. Охранникам давалось право ни с кем не церемониться, что снижало риск возникновения опасных ситуаций.

Безопасность, хороший вкус к музыке, качественный алкоголь, лояльность клубных танцовщиц и девушек для консумации с правом «на выход» с клиентом дополнились закрытостью и аурой неприступности.

Бандитский беспредел, разборки, драки, испоганенные рвотными массами VIP-зоны, совокупление в туалетах – типичные явления для многих ночных клубов – в Наутико жестко

пресекались. Плохо зарекомендовавшие себя гости заносились в черный список и после второго раза не допускались ни при каких обстоятельствах. К неплательщикам люди Шрама навещались домой.

Вчера Шрам сделал исключение для своих приятелей, но только в закрытом зале VIP-зоны. Результат не заставил себя ждать. В его отсутствие оргия переползла в общий нижний зал, загадила танцпол. Безответственность, халатность персонала, допустившего такое, жутко злит владельца ночного клуба. Его передергивает. Однако орать и попусту рассыпать угрозы не его стиль.

Сполоснув лицо и приняв аспирин, Шрам недовольно смотрит на вошедшего – бесцветного, но самоуверенного бывшего чиновника-финансиста. Управляющий умеет незаметно появляться и исчезать, неслышно прикрывая даже очень скрипучие двери.

Вымотанный последними событиями, чувствуя себя грязным не только физически, владелец ночного клуба тяжело вздыхает. Сидя за рабочим столом, он откидывается на спинку кресла.

– Разочаровываешь, – кратко бросается в сторону слегка облысевшего мужчины в деловом костюме и с папкой бумаг в руках.

– Они же Ваши друзья... всегда на особом счету, никаких проблем в прошлом, вот мы и подумали... – начинает лебезить финансист.

– Неужели подумали? – щурится Шрам. Запуская руку в густые черные волосы, он проводит пятерней и морщится от боли, запрокидывая голову.

– Признаю, виноват! – складывая блеклые губы в тонкую полоску, управляющий смолкает, прекрасно сознавая свой недочет. При первой же стычке гостей с персоналом, он получил от сильно пьяного и потому неадекватно-щедрого клиента большие отступные и сжульничал. Закрыв глаза на нарушения, пустил процесс на самотек. – Ущерба почти никакого. Все по мелочи, бывало похуже. Я обо всем позабочусь, скоро клиентов здесь не будет, что касается...

Желая быстрее покончить с этой темой, владелец ночного клуба делает нетерпеливый жест рукой.

– Кто вчера их обслуживал и охранял – вызвать, заставить выполнить работу до конца, привести клуб в исходное состояние и уволить. Всю смену. Даю два часа, – заявляет он уставшим голосом. Ему плевать как будут справляться озадаченные работники. Проверять нет нужды. Наутико гарантированно будет сверкать, блестеть и пахнуть как заново отстроенный.

– Слушаюсь! – бледнеет управляющий.

– Теперь по делу, – хмурится Шрам, подаваясь вперед, он отнимает у него папку и пытается сосредоточиться.

Приученный докладывать быстро, сжато, по существу, управляющий рапортует о состоянии текущих дел, пока подписывается бухгалтерия. Его самого не уволят, но накажут непременно. Шрам никому не спускает. Чем дольше владелец ночного клуба молчит, тем более нервно-дребезжащим становится голос управляющего.

– Монах предупредил, возможно, задержится к открытию. Его подменит Рамон, – говорит управляющий, заканчивая отчет с испариной на лбу.

– С каких пор Рамон в курсе знаний Монаха? – Шрам недовольно тянется за айфоном, набирает номер.

– Диего, в чем дело?

– Никаких проблем, босс. К открытию успеваю.

– Случилось чего?

– Надо в аэропорт смотаться. Встречаю подругу. Лучшую и единственную!

– Хм! Власть поменялась, и природа взяла свое? – интересуется Шрам, зная о странной редкой особенности парня не пользоваться женщинами по их прямому назначению.

– Неа! Это просто подруга. Хороший человек, – смеется Диего.

– Вечером зайдешь, – требует Шрам и вновь смотрит на управляющего. – Наши гости оплатили счет?

– Еще нет... – мнется тот.

– Возьми под личный контроль. Такую же сумму внесешь сам в качестве штрафа. Наличными в кассу. Чек мне на стол. Свободен.

Сереющее лицо управляющего вытягивается пропорционально длинной мысленной распечатке чека. Весьма, весьма не утешительные затраты.

Преподав ему урок, Шрам уходит в душ, где долго стоит под теплыми струями воды, размышляя над докладом. Оказалось, еще один клуб в Байоне закрывается. Знакомый коммерсант, недавний конкурент, а попросту старый хрыч Алонсо устал от агрессивной политики ночного бизнеса, объявив себя банкротом.

Несколькими месяцами ранее экономический кризис, пресыщенность публики и соседство с крупным, быстро развивающимся портовым Виго привели к закрытию сразу двух увеселительных заведений города. Вдобавок к малым прибылям их владельцы имели проблемы с властями и не умели договариваться со спонсорами популярных личностей, приглашаемых на периодические выступления.

По прогнозам заведение Шрама вскоре могло остаться единственным в Байоне местом для любителей электроники, разбитных студентов, богатеньких, не знающих куда себя деть бизнесменов, бандитов и пресытившихся семейной жизнью женатиков – в общем, для всех тех, кому ночная жизнь все еще была не безразлична.

Растягиваясь на диване, заложив руки за голову, Шрам зеваает, закрывая глаза. Коммерческие дела идут в гору, совсем не радуя, хотя деньги и богатство сами по себе не свалились ему с неба на голову. Шрам завоевал их упорством, хитростью и умением не останавливаться ни перед чем.

Проспав несколько часов, пообедав, а заодно и поужинав, владелец ночного клуба вдруг понимает, что ему вздумалось выпить. День рождения как-никак! На яхте давно обрастает пылью замечательный напиток, привезенный Маером из Лондона несколько месяцев назад.

Решено поехать за бутылкой, заодно проветрится, подышать свежим воздухом и вообще сбежать от поздравлений, которых он терпеть не может. Надоедливые звонки и подарки с визитками дарителей, заносимые в кабинет, раздражают.

Шрам ненавидит свой день рождения. Накануне запретил поздравлять себя. Он никого не хочет видеть, ибо знает – на каждом шагу его окружает чья-то боязнь, зависть, корысть, заискивания и прочие непривлекательные проявления человеческой природы, щедро приправленные лживой любезностью. Никто не испытывает к нему искренних добрых чувств. Да и поздравлять его особо не с чем, хотя за последний год владелец ночного клуба достиг ошеломляющих успехов в глазах общества. Собирая в хвост длинные черные волосы, Шрам выключает айфон и уезжает в порт.

Неделю назад отмечали свадьбу Маера. Сегодня его собственная жизнь переваливает за тридцать четыре, заставляя невольно подводить итоги. Выбирая место, куда припарковаться лучше, владелец ночного клуба глушит двигатель и с минуты сидит без движения.

Паршивое настроение ширится. Самое лучшее с ним уже случилось и кануло безвозвратно. Дальше пошла неприметная тропа. Продвигаясь все глубже в погоне за мстостью, теперь он очутился на краю бездны. Ни желания, ни возможности отойти от края не осталось...

От этой правды берет жуть. Шрам мрачнеет. Все приелось, опостылело, элементарно надоело. Главная цель ради которой он живет пока недостижима, а более мелкие не имеют того всепоглощающего смысла. Вдобавок то, что раньше машинально помогало расслабиться и забыться, стремительно утрачивает свои свойства.

«Все-таки день рождения – подлый праздник!» – думает он, открывая дверцу навстречу резкому аромату бурых водорослей и талого снега.

Покинув авто, Шрам неспешно направляется к причалу. Большие и маленькие красивые суда издали привлекают его взор. По «положняку» ему положена яхта. Ну, вот она и стоит у причала. Пользоваться ей некогда. Да и не хочется.

Меж тем вечереет. На смену легкому снежку спускается метель, просыпается с удвоенной силой. Пока владелец ночного клуба приводит мысли в порядок перед тем, как утопить их в алкоголе, в поле зрения совершенно неожиданно возникает одна маленькая блондинка. Смутно знакомый стройный силуэт вырисовывается одиноким пятном на фоне зимней Атлантики.

Пораженный внезапно, Шрам столбенеет от изумления, недоуменно разглядывая байкерскую косуху, тесные в бедрах джинсы и армейские уставные берцы грубой кожи.

Черные одежды. Длинные светлые волосы. Да, это *она*! Застывшее пятно зла на его правой щеке дергается. Чудится, веет запахом свежей поживы, и владелец ночного клуба понимает в какую сторону «выкручивать руль».

Глава 3. Опрометчивая сделка

Время играет с людьми странные шутки. В надломленной душе вместо любви к рок-музыканту горит холодный огонь Севера. Прежней ей уже не быть. Девушка медленно бредет по набережной. Завороженным щедростью неба, довольно вздыхающим под его прикосновениями, полностью обращенным в себя – таким встречает ее океан.

Расправляясь, поднимаются за спиной странные крылья. Рядом кружит неприрученный ветер. Он ночной, резкий и холодный, беспощадный и острый как лезвие клинка, угрюмый и голодный. Ветер не бескорыстно остался с ней. Его необходимо постоянно кормить. Напрасно девушка не задумывается об этом...

Слепящая с высоты самолета сапфировая глубина воды теперь налита зеленью, а блики на ее поверхности мерцают светлым пеплом отраженного небосвода. Низкая рваная облачность рассыпается над Бискайским заливом. Усиливается метель. Крупный пушистый вихрится снег, опадает и тает под ногами. Мороза нет. Сыро, промозгло, зябко.

Задумчиво поглядывая по сторонам, девушка останавливается перед входом на причал, рассматривает знакомое место. Океан тихо плещется, облизывая сваи. Яхты подсакаивают и пляшут на волнах, покалывая небо голыми мачтами. Приятной свежестью ложится на лицо снег, обсыпает худенькие плечи, вплетается в волосы.

Кажется, хорошо, свободно. Тихая, уютная, словно нарисованная Байона несравнима с вечно простуженным снующим серым Питером. Летний курорт впал в тихую спячку. Кардинально иной ритм настраивает на душевный лад. Медитативный крик чаек, шум прибоя, редкий шорох шин с проспекта Брасиль – вот практически и все звуки.

В порту на причале пусто. Девушка глубоко вздыхает. Спокойное умиротворение пространства ласкает слух. За спиной слышатся шаги.

– Ты?! – произносит кто-то не чужим ей голосом.

Девушка выходит из состояния созерцательности и оборачивается. Теряясь от неожиданности, вздрагивает. Перед ней стоит высокий яркий брюнет с лицом обезображенным, хмурым и подозрительным.

Наглухо застегнутое черное короткое пальто с поднятым воротником, наглаженные темно-серые в мелкую полоску брюки и узкие кожаные туфли прекрасной выделки – все дорогое, добротное, стильное. Лощеная холеность сквозит в каждой детали облика. Высокомерный взгляд темных глаз плещется неприятным удивлением. Длинные черные волосы мужчины зачесаны назад в хвост. Несколько прядок выбились, развиваются по щетине недельной небритости. Некогда модельную внешность хозяина местного ночного клуба обезображивают парные шрамы. Ото лба, через бровь, минуя глаз, пересекают шрамы под наклоном всю правую щеку, спускаясь до основания подбородка. Они ужасны.

«Он жив!» – пронесется в ее мыслях. Душу захлестывает неожиданное ликование. После телефонного разговора с Диего накануне своего отъезда из Санкт-Петербурга сюда, девушка много раз гадала, каким он стал, проигрывала в воображении их встречу. С содроганием представляла насколько, должно быть, кошмарно изменилась внешность, ведь его пытались сжечь заживо. Она видела! Она была там!

Но в итоге оказывается все иначе. Никаких следов ожогов... все волосы целы... *Как такое может быть?!* Он ничуть не изменился, не считая непонятно откуда взявшихся шрамов.

– Я... – наконец, тихо выдыхает она. Переполняясь радостью, неожиданно большей, чем самой ожидалось, девушка затаенно изумляется состоянию живого, не покалеченного, не полностью изуродованного врага. Представлялось куда хуже...

Шрам подходит вплотную. Пристально впивается изучающим взглядом. Нервно играет щетина на широких скулах. В мужской фигуре помимо физической силы чувствуется какая-то сконцентрированная тяжелая свирепость.

Снег тает в знакомых светлых завитках. Холодный и колючий, превращается он в крошечные капельки. Это действие отвлекает Шрама, гипнотизирует, поглощает все внимание, растворяя мысли, заставляя на несколько секунд забыть о необходимости вспоминать старое.

Ее длинные ресницы постоянно вздрагивают, выдают волнение. Изумрудно-серые глаза полны странным восхищением, живым огнем. Тонко очерченным маленьким губам хочется улыбнуться. Ни испуга, ни былой ненависти, ни отвращения. Шраму непонятна эта радость. Однако под ясным взглядом, вспыхнувшая было застарелая злость, стихает.

– Зря приехала, – небрежно бросает он, уходя по направлению к яхте.

Девушке хочется удержать мужчину.

– Карлос! – окликает она, внутренне сжимаясь.

Давно никто не называл его по имени. Шрам нехотя останавливается, оборачивается. По лицу проносятся мрачные тени прошлого. Ветер Атлантики стелет вокруг двоих пушистую пелену снега, пытается разъединить.

– Я не хотела вставать между вами! – настаивает Шрама нежный голосок. В сказанном слышится искреннее сожаление.

«Странно», – рассуждает он про себя, продолжая подмечать не свойственное ей ранее поведение. Недолго пребывая в некотором замешательстве и, видимо, решив что-то, Шрам меняется в лице. Слегка пугая внезапно вспыхнувшим очень знакомым хищным интересом, владелец ночного клуба кивает, указывая на стоящий неподалеку черный BMW.

– Садись в машину, – приказывает он, и наблюдает поразительное дело – она покоряется. Происходящее сеет в сознании еще большее замешательство наряду с любопытством.

В холодном, почти злом тоне мужчины скрежещут нотки стали. Но девушка без колебаний соглашается, ибо понимает необходимость данных действий. Им надо поговорить. Дорогой она прислушивается к себе. Возвращается обволакивающее чувство зависимости от чужой воли. От волнения потеют ладошки, слегка колотит дрожь. Дышится тревожно.

«Он жив!» – снова напоминает себе она. Отчего-то сладко щемит сердце, просыпается, наливается приятной теплотой тело внизу живота. Знакомый мужской запах отключает мозг, сковывает, парализует.

Ее разбирает немое удивление оттого, что сейчас видит она в Карлосе не источник своей ненависти, боли и страха, а просто мужчину, достаточно привлекательного. Новое увечье рассматривается с тайным интересом, подмечается напряженное выражение лица, в обыденных движениях улавливается затаенная сила. Хочется дотронуться. Просыпается сильное желание что-то изменить, стать ближе, понятней...

Вспоминая, как обстоят дела в реальности, девушка одергивает себя. Она быстро переводит взгляд на дорогу, пытается стряхнуть навязчивое состояние, передернув плечами.

– Что? Не нравлюсь? Сильно изменился? – косится Шрам с видом одновременно недовольным и насмешливым. Голос звучит жестко, тон надменно-холодный.

Девушка вновь смотрит на него. Внимание продлевается дольше положенного. Заинтересованность в глубине глаз сменяется робостью, боязнью нечаянно обидеть.

– Для меня ты остался прежним, – опрометчиво откликается она, опуская ресницы.

Что она хотела этим сказать? Ему кажется, или его находят привлекательным? Новый факт забавляет владельца ночного клуба своей нетривиальностью.

– Издеваешься? – пренебрежительно усмехается Шрам, отмечая вместо вполне ожидаемого с ее стороны злорадства растерянность.

– Даже не думала, – девушка хмурится и больше не поворачивается в его сторону. В словах нет ни капли лжи. Не видит она уродующих шрамов. Рядом с ней он летний – сильный,

коварный, жестокий, умный, способный на все ради цели, проявляющий потрясающую осведомленность, всегда на шаг впереди...

Потихоньку Шрам начинает забавляться повороту событий.

– Не спросишь, куда я тебя везу? – окидывая жарким мужским взглядом, он опять замечает растаявший снег на ее светлых притягательно-длинных волосах.

«Как же он близко!» – взволнованно думает девушка.

– Наверняка там будет тепло, – пошевелив озябшими пальчиками в коротко обрезанных перчатках, она смолкает на остальную часть пути. Догадаться куда едут не сложно. Узнается знакомое направление.

Шрам вонзает странные взгляды в ее теплую светлую задумчивость, в скромный наклон головы, в тихую сосредоточенность лица. Неожиданно встретить ее опять. Невозможно поверить в добровольное присутствие рядом.

Окрыленная чистосердечным намерением, девушка взирает то на сложенные перед собой на коленях руки, то на дорогу. Не добитый в жестокой схватке, не застреленный, не пожраный огнем человек, которого она невольно сделала своим врагом, жив и здоров. Поддавшись порыву, она благодарит небо за милость тихим шепотом души.

Остудив пространство, белая пелена успеваешь лечь на город тонким муаром. Нетипичное для здешних мест похолодание красит город. Зимняя Байона пустынна, чиста, сказочно-заснежена, по-новогоднему приятна. На перекрестках всюду «зеленый», машин почти нет. BMW быстро и уверенно несется к цели. За внешним спокойствием двоих сдвигается спящая лавина уснувших страстей, перемешивается прошлое и настоящее.

Машина плавно подъезжает к нему домой. Логово бывшего врага базируется теперь прямо по соседству с гостиницей донны Лусии. Девушка уже в курсе, что он купил дом у Диего.

Двое входят в калитку, пересекают по дорожке небольшую лужайку и поднимаются на крыльцо. И опять девушка без единой заминки идет с ним. Шрам удивлен и заинтригован. Пока он открывает дверь и выпускает ее внутрь, она ведет себя сдержанно, задумчивый взгляд скользит мимо.

Никогда прежде не бывая в доме, тогда еще принадлежавшем Диего, переступая через порог, девушка проникает в мягкий приятный полумрак гостиной. Чистота, порядок, минимальное количество предметов обстановки открывают объемность пространства.

Слева, ближе к входу, у окна стоят вокруг журнального столика диван и кресла, за ними в глубине имеется подобие клубного бара. По центру помещения – свободная площадка с лестницей наверх. В правой части гостиной расположена обеденная зона с длинным большим столом. Вещей повседневного обихода, а также предметов личного пользования, выдающих характер и надобности самого хозяина, не видно. Создается ощущение, словно здесь не живут.

Грифельно-серые с едва осязаемым оттенком сиреневой теплоты тона стен, мягкой мебели и портьер полны сонного спокойствия. Его усиливает черно-сливовый цвет стойки домашнего бара, стульев, столов, узких шкафов, комода и пустой гардеробной.

Поглощающе-сумеречный колорит помещения изредка разбавлен светлыми пятнами шкур животных и светильников. В любое другое время девушка непременно бурно восхитилась бы столь прекрасным интерьером, соответствующим своему собственному вкусу, однако сейчас делать это не уместно.

Несмотря на острое противостояние в недалеком прошлом, владелец ночного клуба ведет себя вежливо, предлагает располагаться, указывая на мягкую мебель. Внешне он холоден, спокоен, выдержан. Равнодушие сквозит в голосе, жестах. Одни глаза горят.

– Что пьешь? – светским тоном спрашивает Шрам, расстегивая и скидывая на ходу пальто, направляется к бару.

– Что-либо безалкогольное, пожалуйста, – тихо откликается девушка. Удивляясь гостеприимному обращению, она окидывает взглядом обстановку и, не снимая косухи, неуверенно

присаживается в одиноко стоящее кресло. Наблюдая за приготовлением напитков, волнуется, кусает губу. Неизвестно получится ли объясниться, разобраться в запутанных минувших событиях или нет.

Все неприятности ее лета позже, гораздо позже, но в итоге пересилили два обстоятельства: справедливая месть Шрама рок-музыканту и его собственная последующая «смерть». Вспоминается последний рассказ владельца ночного клуба о том, как Таро поступил с Камиллой, которую любил. При всей своей доброте, порядочности, талантливости немой рок-музыкант предал жену...

Ну а сама девушка... а она не хотела слышать, принимать очевидное. Окрыленная собственной влюбленностью, даже после откровений Шрама питала надежды на серьезные отношения с Таро...

Очнувшись от воспоминаний, она поднимает голову, рассеянно берет предложенный бокал, сдержанно благодарит и отпивает глоток, изучая содержимое коктейля. Немного алкоголя там все-таки имеется.

– Доверчивая. А вдруг я подмешал тебе в напиток чего? – опускаясь напротив нее на диван, неожиданно насмешливо интересуется Шрам.

Девушка собрана и серьезна. Сидит с прямой спиной, вытянувшись в струну. Несколько осмелев, бесстрастно смотрит в глаза своему бывшему мучителю.

– А смысл? – пожимает она плечом. – Я в твоём доме. В твоей власти. Ты сильнее.

Ноль флирта. Ноль кокетства. Прямота оценивается по достоинству. Шраму ответ нравиться. Девушка хорошо знакома с его нравом и, видимо, набралась храбрости признать данный факт, понимает владелец ночного клуба. Однако, новый глоток алкоголя, наделяет блестящий взор темных глаз очередной порцией недоверия и надменности.

– Зачем ты здесь? – требовательно интересуется он.

Девушка сильнее сжимает колени. Ее движение находит тайный отклик в основании мужского корня.

– Объясниться, – отставляя свой бокал на краешек столика, откровенно отзывается она меж тем, как Шрам улавливает дрожь тонких пальчиков. – Мне нужно, чтобы ты понял меня. Или хотя бы выслушал.

Шрам делает нетерпеливое движение.

– Зачем ты приехала в Байону? – уточняет он вопрос, сверля взглядом.

– Жить, – стараясь казаться спокойной, отвечает она.

– С ним? – пытливо щурится Шрам.

– С кем? – рассеянно переспрашивает девушка и сразу понимает о ком речь.

– С Таро! – повышает голос собеседник.

– Нет, – тихо говорит она и не может удержаться, кривится.

– Врешь! – резко восклицает Шрам, обнажая скопившееся внутри раздражение. Лицо искажается. По правой искаленной щеке пробегает легкая дрожь судороги.

Девушка не пугается, только смотрит с сожалением. Гадает, почему Шрам до сих пор так злится на нее.

– Я приехала начать новую жизнь, – поясняет она. – С нуля.

– Ага! Именно сюда? – зло усмехается Шрам, залпом осушая свой бокал.

– Да, – тут же соглашается она, вспоминая свое, и скромно прибавляет: – Больше нигде не живется.

– Думаешь, я поверю? – грубо бросает он.

– Судя по всему, надежды мало, – предполагает она.

Владелец ночного клуба уходит налить себе добавки, но возвращается с пачкой сигарет, пепельницей и зажигалкой. Давно не курилось – пора начинать.

– А Микель, брат Таро в городе? – вдруг спрашивает девушка.

– На что он тебе? – настораживается Шрам, распечатывая новую пачку и вынимая сигарету.

– У меня есть причины... избегать его.

– Приставал? – неожиданно живо интересуется Шрам. Всмотревшись, замечает что прав. Станным образом ситуация могла повториться. Женщина и трое мужчин. Где-то глубоко в его сердце дергается, отзывается болью, казалось бы, давно порванная струна.

Вспоминая встречу с Микелем в закрытом ресторане, а потом его непристойное предложение накануне отъезда в Россию, девушка заметно тушует.

– Угрожал, – морщится она, отводя взгляд в сторону. – Не обещал ничего хорошего.

Шрам быстро раскуривает сигарету затяжка за затяжкой. Ему интересно слушать насколько деликатно подбираются слова, смотреть, как хмурая складка залегает меж тонких изломов некрашенных в угоду моде бровей.

– И, несмотря на угрозу ты все-таки здесь... – медленно с расстановкой подмечает Шрам.

– У меня на то свои причины, – мрачно отвечает девушка. – Никого из вас они не касаются! – быстро прибавляет она. На самом деле возвращение в Байону стало непрочным, но в своем роде единственным оплотом, удерживающим ее среди живых. В том она не признается никому.

– А ведь Микель может быть скор на расправу, – прищуривается Шрам. – И я могу!

«За что?!» – кричит весь ее невинно-вопрошающий вид. Девушка вскидывает голову и смотрит удивленным ребенком, которого собираются наказать несправедливо.

– О чем ты только думала, когда ехала сюда? – с тайной заинтересованностью спрашивает он.

Легкая укоризненная грусть смотрит на Шрама в образе недоступной блондинки. Мужской взгляд ощупывает хрупкую фигурку с нарастающим плотским желанием. Воспользоваться ее присутствием в своем доме легко. Эта маленькая женщина всякий раз ускользала от него. Женщины... После ее отъезда их было много. И вообще, после Камиллы их всегда было много. Разных. И все они, в отличие от этой, предлагали себя сами.

– Не боишься того, что я с тобой могу сделать? – распяляется владелец ночного клуба. Он трет щетину на изуродованной щеке, шрамы слегка перекашивают лицо, предавая роковой злобности. По совести это ему сейчас надо было бы просить прощения за свои действия.

Наблюдая знакомые признаки нарастающего мужского возбуждения, девушка потихоньку теряет самообладание. Нужно быстрее сказать правду.

– До сих пор злишься на меня, – тихо констатирует она. – Не надо. Не стоит, – просит она скромно. – Не хотела я причинить тебе боль. Никому не хотела...

– А ты изменилась, – задумчиво произносит Шрам. Увлеченный ее мягкостью, податливостью, он продолжает внимательно изучать, но никак не может уловить причину перемен. Летом девушка от него как от чумы бегала, дразнила, кокетничала, ломалась.

Девушка отворачивается.

– Я сполна расплатилась за свое легкомыслие, – говорит она, покуда Шрам любит ее профилем. – Все важное, дорогое утрачено. Радует только одно – ты жив.

– В смысле? – удивляется владелец ночного клуба.

Взяв бокал, девушка нервно крутит его в руках. Вдохнув и набравшись храбрости, продолжает:

– Понимаешь, все эти месяцы я считала тебя погибшим в том подвале, – признается она еле слышно. – Нести вину за смерть другого человека оказалось для меня... тяжким грузом.

– Ты думала, я умер тогда?! – замирая, Шрам быстро соображает что-то про себя, потом расслабляется и откровенно веселиться. Довольный услышанным, он медленно выдыхает дым.

– После того, *что* я видела – была уверена! – жалобно подтверждает она, цепляясь взглядом за уголок его полураскрытых губ. – До сих пор не понимаю, как ты выжил... – голос дрожит и осекается. Взгляд уходит мимо. Плечи опускаются.

– И давно ты узнала о моем «воскрешении»? – любопытствует Шрам.

– Два дня назад, – отвечает она.

– А до этого?.. Тебя было жаль меня? – мягко вопрошает Шрам с тайным наслаждением. Маленькая, опечаленная, слабая, девушка никак не походит на дикую кошку, которую он знал. Тянет дотронуться и проверить.

Она кивает утвердительно и честно.

– И чем ты утешалась? – допытывается он.

В ответ у нее едва не наворачиваются слезы.

«Она страдала», – понимает Шрам. Заинтересованно наблюдая непритворное волнение, престранно улыбается. – «Смешная!» – думается ему.

В первый раз он увидел девушку летом на причале, швыряющую сломанный босоножек в океан. А в последний он был с ней в подвале чужого дома, где хотел отомстить Таро, помучить бывшего друга, чтобы тот ощутил в полной мере бессильную злобу, боль и унижение за поругание другой женщины – любимой. Чтоб ответил за предательство и бесхребетность. Шрам мог тысячу раз убить Таро, а толку? Отними, укради у человека самое дорогое и добьешься лучшего отмщения. Но, впоследствии оказалось, Таро не столь уж и дорожил этой блондиночкой.

Шрам все еще смотрит иронично.

– Оказывается, тебе никто не сказал, да и *некому* было... В том подвале, где все закончилось, ты находилась под наркотой. Специально вкололи, чтобы проблем не возникало, ведь один раз ты измудрилась сбежать. И когда появился Микель, тебе почему-то показалось, будто меня жестоко избивают. Хм! Нам пришлось наблюдать твои слезы, крики и мольбы о моей пощаде.

От воспоминаний Шрама душит беззвучный смех. Губы насмешливо кривятся. В уголках глаз собираются морщинки. Она вовсе не замечает насмешки.

– Это многое проясняет. Действие психотропного средства состроило ужасную картину, – девушка понятливо качает головой. – Вот только для меня все было по-настоящему! – отрезанно шепчет она. Широко раскрытые глаза со странной ясностью отражают накопленную боль.

– Мы заметили, – шуруется Шрам, питаюсь неприкрытыми эмоциями.

Девушка опоминается, вздыхает.

– Скажи, чем на самом деле закончилось?

– Порешали дела и разъехались. Никто никого не убивал, если ты это хотела услышать, – хмыкает он.

– Откуда тогда это? – кивает девушка на его правую щеку.

– Это другое, – уходит от ответа Шрам.

Тень размышлений касается нежного лица. Выходит, мучилась она напрасно? И, тем не менее, жалеть не о чем. Пусть мнимая, но все же гибель Шрама уже в Питере дала возможность многое понять и переоценить.

– А твой рассказ про то, как Таро не защитил Камиллу от брата... он мне тоже привиделся?

Скрипнув зубами, Шрам пронизывает девушку недобрый взглядом разворошенного осинового улья.

– Запомнила, значит... – он отзывается так глухо и так пугающе, что девушка вздрагивает. Под злобной бдительностью она сникает, избегая смотреть мужчине в лицо, встает, порываясь уйти.

– Прости... наверное, мне не стоило спрашивать, – возвращая бокал на столик, девушка расстроена. Не может она решиться продолжить попытку примириться, сгладить слишком острые углы.

– Сидеть! – приказывает Шрам, внушительно повышая голос. – Думала, просто прощения попросишь и все?

– Какие у тебя ко мне претензии, не пойму?! – восклицает в сердцах она. Состояние едва не запачканной им чистоты женской неприкосновенности до сих пор выходит огнем и ознобом.

Шрам сумрачно молчит. Замер словно перед прыжком. Вязкая наэлектризованная тишина давит невыносимо. Становится тяжело дышать.

– Что смотришь? Почему не спросишь: каково *мне* было?! Кто-либо из вас обеспокоился этим? Нет! Всем было плевать! – вскидывается она, но, вспомнив цель визита, сдерживается.

Ненадолго прикрыв глаза ладонью, девушка шумно выдыхает, приказывает себе успокоиться, выпрямляется и только потом заговаривает снова.

– Ты ведь и сам знаешь, что обошелся со мной не хорошо... Очень не хорошо! – напоминает Шраму деликатно.

– Сама напросилась, – бессовестно возражает владелец ночного клуба, и девушка стремительно смущается. – А чувство вины – скверная штука! – сверкает глазами Шрам. – Вину нужно искупать...

Девушка удивляется и напряженно думает, куда он клонит. Шрам не торопиться, раскуривает новую сигарету, выдыхает дым. Оценивающий взгляд неоднократно пробегает по ее лицу, волосам, груди, линии узких бедер.

На самом деле его давно не интересует месть немому музыканту. Неудачная летняя попытка воздействовать на Таро через девушку впоследствии обернулась большим плюсом, ибо своего Шрам упускать не привык. Он отомстил иначе, а вот блондиночка... с ней он еще не закончил.

Меж тем от внимания бывшего врага вновь накатывает непривычная волна желания. Девушка пытается игнорировать веления тела, стыдит себя за слабость.

– Через несколько дней Таро приезжает в город. Твое возвращение и его приезд – странное совпадение, не правда ли? – недовольно осведомляется Шрам.

– Да уж... – невольно соглашается девушка, хмуря брови. Недоверие владельца ночного клуба теперь вполне понимается ею.

– Он сейчас подрабатывает в одной рок-группе, – продолжает Шрам, зорко наблюдая за реакцией. – Мы с тобой наведем его перед выступлением. Пусть думает, что теперь ты со мной.

Настороженное личико заливается краской смущения. План выслушивается с удивлением и растерянностью. Допустив на секунду за чем-то реальность озвученного, тело откликается невероятно сладкой истомой.

– Но это же неправда! – возмущается она. Даже близко не догадываясь об истинных мотивах, девушка не понимает, почему он запоздало пытается вызвать ревность у Таро. Слишком уж мелко для такого сильного человека.

– Легко поправимо, – разнузданно замечает Шрам, поднимаясь с места, чтоб направиться к ней.

Угадав похотливое намерение, она отскакивает испугнутым зверьком.

– Постой! Не за этим я пришла сюда, – протестует девушка. Мелко дрожа, спасаясь от приближения мужчины, она пятится за кресло, огибает столик и останавливается в нерешительности у дивана, в то время как Шрам останавливается у кресла, где она только что сидела. – Мне было важно сказать тебе главное! А ты опять за свое! – возмущается она.

– Сказала?

– Еще нет.

Хмыкнув, владелец ночного клуба усаживается на ее место, вальяжно разваливаясь в кресле.

– Ну? – он курит и щуриться, поглядывает через сигаретный дым. В зависимости от интонации излюбленный вопрос отражает суть обращения и может означать все что угодно. Сейчас это «ну?» нужно понимать как «что еще ты там придумала?»

Поджимая губы, она хмуро поглядывает на него некоторое время. Убеждаясь в отсутствии поползновений, девушка убирает руки в карманы тесных джинсов, меряя шагами пространство между окном и мягкой мебелью.

– Сядь! Не мельтеши, – требует Шрам.

– Не могу! – отвечает она на ходу. – Мне так легче с тобой разговаривать.

«Волнуется» – понимает Шрам и не без интереса наблюдает метания.

Упрятав подальше все личное оскорбленное, обиженное, нуждающееся в пожалении и немедленной ласке, девушка настраивается на рационально-деловой контекст.

– За последние месяцы я много размышляла о причине твоего поведения, многое осознала и, как ни странно, не осуждаю, – заявляет она спокойным тоном.

Шрам едва не роняет сигарету.

– Не понял! – вырывается у него. Недоверчивое любопытство разгорается сильней, требует объяснений. Критически прикидывая цену словам, Шрам колеблется: врет ли девушка из-за страха перед ним или задумала чего? Есть еще третий вариант принять сказанное за чистую монету, но у всякой откровенности свой предел. Ее же неожиданно всепрощающая позиция – явление совершенно непонятное и потому загадочное для него.

Покусывая губы, девушка сосредоточенно изучает рисунок пола. Испанская керамика в тон мебели – густого черно-сливового цвета с пастельными узорами светло-серого оттенка. Легкие линии рисунка почти неразличимы. Ранние зимние сумерки надвигаются быстро.

– Дело было вовсе не во мне... – серьезно говорит она, искоса поглядывая, – ...а в ситуации в целом. Тогда я не хотела придавать значения поступкам других людей. Думала только о личном благополучии и, в конце концов, сама запуталась. Но сейчас не об этом!

Знаю, ты не стремился причинить вред именно мне. Тебе вообще было безразлично, что за девушка появилась рядом с Таро. Кто заботится о том, что будет чувствовать разменная монета или игральная карта в колоде? Никто. Их просто используют, верно? – не ждя ответа, она продолжает движение. – Вот и я осознала, что понадобилась тебе в качестве инструмента для достижения цели, безусловно, нужной. Вся эта история с его женой... в общем, я считаю, ты имел право наказать Таро.

Ожидания владельца ночного клуба спотыкаются о то, что она говорит.

– Действительно? – напрягаясь, спрашивает Шрам.

«Неужели пытается разглядеть в моих поступках нечто правильное?! А если так, тогда что же она сама такое?» – задается вопросами он.

– Да, – подтверждает девушка. – Но, Карлос, ты не имел права обижать меня! – замечает она с тихой укоризной в голосе. – А по поводу твоего нового плана: посуди сам, ты опять втягиваешь меня в ваши личные разборки. Разве не достаточно боли, которую мы все испытали в прошлый раз?

– Лучше скажи, что до сих пор любишь Таро? – нехороший огонек вспыхивает в глубине темных глаз.

Девушка останавливается напротив, удивленно пожимает плечами.

– Какое тебе дело до моих чувств?! Ты с ними вообще никогда не считался, – напоминает она. – Впрочем, нет. Уже нет, – заявляет, опять болезненно меняясь в лице. Собственные слова отдаются в душе легкой горечью.

– Разве?! – холод недоверия сквозит в мужском взгляде. Шрам невольно подается вперед, вглядывается, пытаюсь выяснить наверняка. Пепел от сигареты незамечено просыпается на дорогие брюки.

– Зачем мне врать? – как-то обреченно вопрошает девушка. Она открылась, доверилась Шраму и уже готова обидеться за то, что ее отчаянно-смелые попытки не воспринимаются им всерьез.

– Женщины всегда врут. А ты возьми и докажи! – многозначительно поднимая бровь, требует Шрам.

– Как? – не понимает она.

– Я уже озвучил свое условие, – напоминает он. – Слова пусты без подкрепления поступками. Ты хочешь со мной мира или я не прав? – Шрам выразительно смотрит и ждет.

– Хочу! – с твердой уверенностью подтверждает она.

– И?.. – Шрам подводит к ответу.

Отходя в сторону, девушка рассеянно смотрит в окно. Там на заснеженном газоне мерцает снег. Темнеет. Тянет выйти и зачерпнуть в ладоши тонкий слой мелких чистых снежинок, прижать к лицу и хоть немного охладиться. Разговор выдался не из легких.

Девушка нервно глотает слюну, колеблется. Примирения, нормального человеческого отношения, понимания, уважения к себе – очень многого хочет она от этого непростого мужчины. Он требует разыграть перед Таро его подружку. А ведь он будет прикасаться к ней... И она должна отвечать тем же...

«Потом ему понадобится больше» – размышляет она и вдруг понимает, что сама тянется навстречу. Это сотрясает ее мир.

Девушка пугается. Теряется. Злится. Стремление приобретает запретный вкус. Мрачное пламя вспыхивает внутри. Этот мужчина разжигает в ней пагубный огонь. Таким огнем легче было бы кормить северный ветер, вот только на эту тему даже думать начинать не стоит.

– Да... дела... – озадаченно бормочет она. Безотчетно запуская пальцы во влажные волосы, отбрасывает их назад и кусает нижнюю губу, пытается разрешить вновь возникшую щекотливую задачу.

Потеряв терпение, Шрам опускает недокуренную сигарету в пепельницу, встает и подходит сзади.

– Ну, так что? – неожиданно мягко спрашивает он, обдавая близким дыханием. Одновременно руки опытными скользящими движениями быстро обнимают, губы успевают прижаться к виску.

Теплый, душный, сладкий, пугающий морок прежних домогательств моментально вылезает из памяти, пробегая жидким огнем по коже, впитывается внутрь, натягивает там мышцы и нервы. Испуганная контактом, девушка вырывается, разворачивается к Шраму.

Любуясь своеобразной дикостью растревоженного взгляда, владелец ночного клуба не делает повторных попыток. Он успевает увидеть целую гамму чувств, но отнюдь не недовольство.

– Ладно! – пытаюсь избежать с ним новой войны, быстро соглашается девушка, отступая подальше. – Если иного способа примириться с тобой нет, я докажу, подыграю тебе. А взамен ты не будешь больше пытаться затащить меня в постель!

Шрам наклоняет голову к левому плечу. По губам проползает непонятная улыбка. Старое желание, запечатанное в глубокой тьме пережитого, разгорается по-новому.

«Запоздало пытаешься спастись от меня, куколка!» – думается ему.

– Пусть так, – вслух соглашается Шрам.

Взяв себя в руки, девушка принимает более спокойный вид.

– Мне хочется верить, что мы поняли друг друга правильно! – на всякий случай уточняет она, желая удостовериться, пристально смотрит, а потом спешит уйти, выдыхая с нескрываемым облегчением.

– Куда пошла? – грубо интересуется Шрам. – Скажи, где остановилась?

– Я не так далеко, – слышится в ответ.

Глава 4. Тайное искушение

Ее уход оставляет Шрама в каком-то непонятном настроении. Недоверие к чужим и своим, постоянное напряжение, постоянный контроль, прощупывание ситуации, циничное восприятие любого проявления чувств других людей – привычны для него. А тут вдруг захотелось просто поверить девушке, подрывая знакомую картину мира. Да, ее присутствие плохо влияет на него, и Шрам знает об этом. А всему виной один единственный случай...

Тогда он мог разом бесстыдно обнажить все ее тайны, но не стал этого делать. Находясь под действием психотропного средства, похищенная и привезенная им в злополучный подвал, девушка была без сознания. Стоя над ней, Шрам мысленно раздевал ее, гладил, мял, тискал, погибая в душе от ненормальной тоски, бредил чем-то доселе неизвестным, мечтал о невозможной взаимности и задыхался от злости на себя, рычал от ярости над безответным телом. Одновременно ненавидя и преклоняясь, он не посмел изведать ее...

Спасаясь от воспоминаний, Шрам идет вымыть бокалы, пепельницу и направляется в клуб, стараясь ни о чем конкретном пока не помышлять.

– Ну-ка расскажи подробно, за кем ты ездил в аэропорт и куда ее отвез? – требует владелец ночного клуба, вызвав к себе в кабинет Диего.

Диего по прозвищу «Монах» тут же подтверждает догадку. Девушка остановилась там же, в том же номере, по соседству. Еще летом Шрам подметил странную близость девушки с парнем. Никогда ему не верилось в дружбу между мужчиной и женщиной. Наблюдая ее то с Диего, то в компании Таро, у Шрама тогда сложилось не высокое мнение о русской блондиночке. О том, что Диего асексуал, а выводы о ней были ошибочными, он узнал намного позже.

– Ну и какая она, твоя подруга? – иронично спрашивает владелец ночного клуба. Скрепя руки на груди, он откидывается на спинку кресла, пристально впиваясь взглядом в своего работника.

Беззаботная мордашка Диего утрачивает улыбку. Призадумываясь на несколько мгновений, парень будто вглядывается в незримую даль океанического простора.

– Слишком правильная. Не для этой жизни, – просто говорит он.

Склонив голову набок, Шрам прищуривается. Емкость ответа возбуждает его любознательность. Нужны подробности. Решив выведать побольше сведений, он закидывает Диего вопросами, легко отделяя для себя главное от второстепенного. Парень понимает интерес шефа. Утаивать ему нечего. Да и есть ли в том смысл?

Вытащив из Диего всю информацию, какую тот был в состоянии ему дать, отпуская после обстоятельного допроса, Шрам раскладывает на столе рабочие бумаги и крепко задумывается. Чувствительные мысли о блондиночке текут поверх срочных дел. Неудовлетворенность прошлого лета вцепилась в корень ржавым рыболовным крючком. Не отпускает.

В дверях появляется респектабельного вида грузный бородач шестидесяти лет в элегантном светло-сером костюме и светлой рубашке с очень дорогими запонками. Из-за густой седины, клочковато-проступающей на голове, одутловатых щеках и двойном подбородке, он кажется бурым. Лыдисто-серые глаза слегка навывкате.

Любопытный как барсук и такой же всеядный по части сплетен и новостей – это Маер – не последний человек среди криминальных отцов города. Легко пронеся в пространстве на первый взгляд неуклюжее тело, Маер шумно плюхается в кожаное кресло рядом со столом и быстро понимает, что Шрам не настроен на разговор.

– На вопрос «как дела» молча дал в морду! – внимательно приглядевшись к владельцу ночного клуба, изрекает он.

Шрам крепче стискивает губы и наливает ему выпивки. Маер любит угощаться.

– Думал, не увижу тебя раньше, чем окончится медовый месяц, – замечает ему Шрам.

Гость лениво вытягивает ноги, принимая бокал.

– Нельзя слишком хорошо трахать жен. Такое автоматически вменяется в обязанности, а это тяжкий труд, – тоном проповедника заявляет Маер.

– Зато можно улажаться в туалете с помощью моих танцовщиц, – усмехается Шрам. Он всегда в курсе дел.

– Чтoб тебя! И там камеры понатыканы? – смеется Маер, хлопнув себя по толстой ляжке.

Они давно сошлись. Благодаря Маеру началось восхождение Шрама по теневой лестнице преступного мира, куда большими шагами, нежели раньше. И важнее всего – прямо к Лютому. Шрам ценит сделанное для него Маером, в ответ никогда ни в чем не отказывая.

Маер любит жить с размахом, не экономя на развлечениях и внешнем виде. Он многое знает, умеет, обладает важными знакомствами, нужными связями, но ему как всякому человеку не хватает своего общества.

Несколько лет назад судьба столкнула их, и Маер предпочел молодого дерзкого расчетливого владельца ночного клуба. Рядом с ним он подзаряжался, чувствовал себя вновь помолодевшим, недомогания и скука отодвигались на задний план. К тому же Маер нашел себя в клубе. Часто посещая Наутико, вначале для бесед с его владельцем за закрытыми дверями кабинета, Маер, в конце концов, пристрастился еще и к обществу его приятелей, обитающих в кулуарах VIP-зоны.

Теперь же не брезгает он и общим залом. Молоденькие красивые, обладающие идеальными телами, очень прыткие девушки, внешняя легкость происходящего, атмосфера наслаждений, сконцентрированная в клубе до всепоглощающего разноцветного тумана, в котором рыскают чужие страсти, будоражат стареющего дельца.

Выставленные напоказ прямо перед носом Маера чужие желания, интимная сторона жизни других – все это воспринимается его своим собственным переживанием. И не важно, даже если он просто сидит на месте и смотрит по сторонам. Наблюдая, Маер «крадет» эмоции других, присваивая себе.

– Зачем себе отказывать? – шутливо оправдывается бородач. – Сколько той жизни осталось? Хотя я собираюсь прожить как можно дольше. Лет девяносто точно! Хватало бы сил. Подольше бы не на «полшестого». Как считаешь, а? – ухмыляется он.

– Не знаю, – помедлив, откликается Шрам.

– Когда мой 86-летний отец упал замертво на теннисном корте, где проходил товарищеский матч среди ветеранов (у него тромб оторвался) я подумал: «Вот счастливая кончина – умереть за любимым занятием», – рассуждает Маер, попивая вино. – Хочу как он! Уж точно не в постели, загиваясь от болячек. А ты?

– Мечтать о долголетию в моем бизнесе излишне самонадеянно, – откликается Шрам, копясь в счетах. Он умирал уже несколько раз. Не думал и не рассчитывает доживать до старости. Дело всей его жизни не предполагает «долго и счастливо». Уничтожение Лютого, скорее всего, и его самого затянет в могилу.

Маер испытывающе смотрит на более молодого собеседника.

– Это ты сейчас так думаешь. Но с возрастом больше цепляешься за жизнь.

– Не суди по себе.

– А по кому мне еще судить? – усмехается Маер. – Моралист!

Шрам бросает на того быстрый взгляд.

– Кто угодно, но однозначно не моралист, – заявляет он. – Мораль – это плод чужих измышлений. При известном повороте ума, ее можно выворачивать в удобную сторону.

– У каждого своя мораль, хочешь сказать?

– Маска, прикрытое понятием для демонстрации остальным. А ты попробуй быть честным с собой и докопайся до себя настоящего. Тогда и поймешь, что твои интересы ничего общего с моралью не имеют.

– Зачем копать, если итак неплохо, – лениво рассуждает Маер.

– Ты просто не хочешь. Большинство не хочет, потому как внутри люди некрасивы. Признаться в том самому себе может позволить далеко не каждый, ибо факт непригляден, – объясняет Шрам.

– Лично я честно признаюсь: для тела я нуждаюсь в хорошей еде, вине и женщинах. Для души мне не требуется ничего. Для внутреннего долга перед самим собой мне нужен наследник, желателен сын. Потому я счел необходимым себя окольцевать. Такой вот психоанализ, – довольно хмыкает Маер.

Шрам скептически ухмыляется. Ему самому незачем копать в себе. С некоторых пор больше не нужно разрываться между чувством и долгом.

– Уффф! – довольно вздыхает Маер. Быстрее обычного приговорив два бокала вина, он ворочается в кресле, разминая затекшую поясницу. – У тебя новых работниц не появилось?

– Будут, будут. На днях появятся. Смену пришлось уволить, – откликается Шрам, изучая вдвойне оплаченный чек с недавней оргии, несколько заявлений об увольнении и кадровые приказы.

– Это хорошо! Новое – оно в принципе вкуснее. До чего же ты мрачный! Закопался в бумагах совсем, – Маер несколько секунд буравит его упрекающим взором.

– Всегда небольшие заботы, – равнодушно говорит Шрам.

Маер облизывается и смотрит на часы, потом на владельца клуба.

– Может, присоветуешь кого повеселей себя? Спустимся вместе в зал, повезет – присмотрим развлекаловку. Я в прошлый раз на малолеток нарвался. Студенточки вообще за выпивку и угощение готовы давать! Чему их учат в университетах непонятно. Умом они не блещут. Прямо в машине начинают раздеваться, прикинь! Взбалмошные такие, визгливые. Разумеется, они несравнимо хуже твоих... эм, «консумэ», ну да ладно. Ни к чему нам проводить сравнения. Пошли, посмотрим, кто сегодня «в меню», а? – подмигивает он.

– Не пойду, – без энтузиазма откликается Шрам, листая бумаги.

– Лень даже посмотреть? – удивляется Маер.

– Делать там нечего, – замечает Шрам, не отрывая глаз от колонок цифр. – И ты достаточно накачался. Самостоятельно найдешь искомое.

– А ты сродни замороженным продуктам, вытасненным из холодильника – немного полежат, сверху чуть оттают, а внутри лед и камень! – ворчит сквозь зубы Маер, поднимается и кричит. Покидая кабинет, он намерен спуститься к танцполу в поисках юных развлечений. Брюжит Маер больше по привычке, нежели от дурного характера.

Владелец ночного клуба никак не реагирует на недовольство. Пережитые личные трагедии влияют на его способ мировидения, мироощущения, характер и привычки. Несмотря на популярность своего заведения, он остается весьма не публичной фигурой. В тусовках Шрам участия не принимает, редко выходит в зал, и то по необходимости, предпочитая проводить время в своем кабинете, занимается делами либо находится в разъездах, решая насущные вопросы. И это его желание оставаться в тени объясняется суровой школой прожитых лет.

Досуг же Шрама также мрачен, как и он сам. Натура резче обрисовывается в поступках. Случается, иногда сбежать от дел, уехать в горы. Прихватив с собой карабин, Шрам скитается в одиночестве злой и угрюмый, развлекаясь выслеживанием и преследованием диких зверей.

Там ему удастся получить частичную разрядку, сбросить с себя обязанности и ограничения. Какое-то время можно побыть диким и мерзким, забраться к черту на рога, блуждать по лихим опасным дебрям, извальяться в грязи, набрать в хвост репьев, яростно чесаться от укусов комаров и рвать зубами прожаренное на костре волокнистое мясо собственноручно добытого трофея.

Иногда Шрам никуда не уезжает. Удаляясь ото всех, проводит часы в своем подвале, палит по мишеням, разбирает, чистит и снова собирает оружие. Еще реже он пьет и куралесит с приятелями.

Так или иначе, уступая потребности быть в курсе всего, что представляет его интересы или может послужить угрозой, отвечать воровским понятиям, регулярно пополнять «общак», заниматься оружием и клубом, через день-два ему все же приходится возвращаться к своему прежнему состоянию, наводить лоск, надевать костюм, занимать свое место в человеческой нише. И все снова наблюдают уверенного в себе спокойного и вежливого Шрама, в безупречном виде с легким оттенком скуки присущим всем, кто не заботится о хлебе насущном и не знает чем еще развлечься. Но это обманчивое впечатление. И обманчивая вежливость.

«Шрам». Теперь его в Байоне иначе никто не называет. После очередной ссоры братьев и выяснения отношений с участием русской девушки, он сразу же попал в криминальную заварушку и пострадал в результате засады на одной из сходов. Прибрат к рукам оружейный бизнес Маера оказалось нелегко. Нашлись еще желающие, целая очередь. В него стреляли. Пуля прошла навывлет, не задев жизненно важных органов. А вот взрыв и обвал крыши едва не прикончили. Отсюда и шрамы, при обрушении задело арматурой.

Оклемавшись, владелец ночного клуба стал признанным «оружейником». Отныне весь незаконный оборот огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов в городе курировал он.

Когда владелец ночного клуба впервые показался на «семейном ужине» преступной верхушки города, маленький сынишка одного из Воров крикнул в наступившей тишине «шрам». Все глаза изучающее обернулись. Карлос криво усмехнулся, и это прозвище тут же напрочь приклеилась к нему. Он не возражал. И избавляться от увечья не стал. Помогало другим лишний раз быстро узнавать, кто перед ними и к какому итогу приведет их неправильное поведение.

В этом плане преступный мир оказался гораздо понятней и честней, чем предполагалось вначале. Новое положение Шрама в силовой расстановке города приняли и признали. Нужные связи в купе с его личными качествами сыграли решающую роль. На пути к своей тайной цели, впаянный целиком в мир теневой экономики города, теперь Шрам снабжает в основном галисийскую мафию, которая является основным поставщиком кокаина и гашиша в страны Западной Европы, а это огромный рынок.

Ему приходится иметь дело также с мелкими конкурирующими бандами, противоборствующими группировками, отдельными враждующими меж собой персонажами преступного мира, не вовлеченными в наркоторговлю. Так или иначе, Шрам насаждает своеобразную справедливость, уменьшая тем самым их количество. Хотя и в законопослушном обществе хватает отморожков, беспредельщиков, тупых скотов, извращенцев и прочей нечисти. Время от времени владелец ночного клуба убеждается в том.

Меж тем третий час ночи. В Наутико до сих пор много желающих развлечься. Проблемных ситуаций не возникает. Выручка обещает быть на уровне. Дела в порядке. Но Шрам все еще пребывает в раздражительно-неясном настроении, впечатался лбом в холодное стекло окна, думает о девушке. Вычислив ее местонахождение, он приставил своего человека следить и знает – вот прямо сейчас она спит в своей постели небольшого гостиничного номера донны Лусии.

Из кабинета открывается красивый вид на залив. Огни Байоны зыбко пляшут, извиваясь по мокрой скользкости океана. Его спокойствие начинает трястись и дрожать, уподобляясь им.

Глубоко вздохнув, Шрам закрывает глаза и видит перед собой девушку. Она снова убийственно притягательна, полна сладкой беспомощности, скромной грации, молчаливого приглашения, неуловимой прелести, воплощенного спокойствия – всех тех таинственных черт, которые лишь единожды явились перед ним прошлым летом.

«Черт бы побрал эту ее беззащитность! И тогда, и сейчас!» – выходит из себя Шрам. Казалось бы, чего проще: взять и отыметь без лишней возни, успокоиться и забыть. Или поломать, силой, жестокостью подчинить, заставить выполнять самые извращенные желания. Но, нет. Все сложнее. Сталкиваясь с неоднозначной чертой ее женской сущности, он упирается в свой непреодолимый психологический барьер.

Глава 5. Эффект айсберга

– Только без лишних вольностей! – предупреждает она с предельно деловым видом. Девушка долго настраивалась перед этим и почти уверена, что выдержит предстоящее. И все равно тревожно.

– Идем, – крепко обнимая за талию, Шрам буквально тащит вперед, наблюдая поверх головы за общей обстановкой. Перед ними его вооруженная охрана теснит толпу поклонников рока у центрального входа. Никого еще не пускают внутрь. Все стоят в ожидании концерта, покуривая и общаясь между собой.

Двое проникают в пустынную тишину «Арт-Холла» как раз в тот момент, когда прибывшие музыканты начинают выгружаться из микроавтобуса с обратной стороны здания. Шрам умеет выбрать нужный момент.

Нетерпеливо посматривая по сторонам, он уводит девушку вглубь длинного изломанного поворотами коридора. Красивые стены в подсвечниках и зеркалах сужаются, сменяясь скромной серостью служебных проходов. Темнота тесниться впереди и сзади, замыкая пространство. В душе девушки просыпается смятение. Наконец они достигают нужного места, останавливаются. Под единственной слабо чадающей лампочкой на потолке Шрам разворачивает ее к себе.

– Посмотри на меня! – тянет он ее подбородок вверх, заставляя поднять голову. – С таким лицом тебе никто не поверит. Ты слишком напряжена.

– Угу! – беспомощно сознается девушка, думая о своем. В его чертах, щетине на скулах, длинных черных волосах, росте, особенностях телосложения, тембре голоса, больших руках – во всем ей чудится отражение питерского байкера, также как в свое время в Питере она видела образ Карлоса в Нике. И казалось бы ну ничего общего, между ними лишь внешнее сходство. Однако и в том и в другом безошибочно угадывается особая внутренняя упругая сила. Образ Ника легко исчезает. Карлос во плоти остается.

– Может быть, не стоит? – с сомнением спрашивает она, начиная тонуть в темном взоре.

– У нас мало времени. Сейчас Таро с группой пройдет мимо. Обними меня. Ну же! Это не больно, – усмехается Шрам, притягивая к своей груди.

Искусственно выращенный оптимизм продержаться, сыграть свою роль как можно более невозмутимо пасует перед красавцем-мужчиной. Для девушки Шрам до сих пор слишком привлекателен, искушает. Спокойствие испаряется. От мужских прикосновений тело напрягается, деревенеет.

«Нельзя смотреть в глаза покуда он слишком близко и притрагивается! Ни за что не стану этого делать» – взволнованно глотая слюну, думает она. Когда-то именно так она едва не попала к нему в сети.

– Да не трясись ты, – говорит Шрам.

– Если полезешь с поцелуями – ударю! – обещает девушка, несмело касаясь его плеч. Ее пальцы заметно подрагивают.

– Только они тебя беспокоят? – бдительно оглядываясь по сторонам, в ответ Шрам снисходительно улыбается.

«Тебя никто спрашивать не будет» – говорит его целеустремленный вид, пока руки умело проходятся по ее волосам, спине и талии.

– Расслабься, – напоминает он.

– В твоем присутствии тяжело, – замечает девушка. Она жутко стесняется.

– Смущение тебе к лицу! – сверкает ослепительной улыбкой владелец ночного клуба.

Не зная как быть, она опускает голову. Внимание невольно переключается на ощущения. Высматривая, не приближается ли кто-нибудь из музыкантов, Шрам замечает ее реакцию и

веселиться про себя. Девушка нервно вздыхает. Он склоняется ниже. Черные пряди касаются светлых локонов.

– Помнишь наш танец? – шепчет на ухо Шрам и трется щекой. По прерывистому дыханию понимает – девушка хорошо помнит тот единственный танец в ночном клубе. – Представь, что мы просто двигаемся вместе под музыку. От тебя больше ничего не требуется, – медленно и осторожно он запускает пальцы ей в волосы на затылке, сжимает у самых корней и мягко тянет назад, понуждая выгнуться, запрокинуть голову.

«Не надо! Прошу тебя, не надо!» – успевает заметить Шрам умоляющий взгляд беззащитного существа, отчего тверже укрепляется в своем намерении.

В отдалении слышатся голоса. Его губы приближаются к ее шее, останавливаются, начинают блуждать над поверхностью будто бы в раздумье над местом приземления. Умирная касанием теплого дыхания, поглощенная внезапной одуряющей истомой, девушка замирает. Нарастающие шаги гулким эхом отдаются, плескаясь между узкими стенами.

– Идут, – сообщает Шрам шепотом. Не давая ей опомниться, он впирается в рот и жадно ворует долгий тягучий поцелуй, задушив возможное сопротивление в зародыше крепким захватом рук.

Мимо них один за другим вереницей проходят музыканты. Разумеется, двоих не оставляют без внимания. Кто-то многозначительно присвистывает. Раздается грохот падающей гитары и ругань. Ругают Таро. Уронив инструмент, он застывает столбом посреди коридора. Да и как тут не остолбенеть?!

Со стороны видно – парочка не реагирует, занятая своим делом, продолжает целоваться. Когда дверь в гримерку за музыкантами захлопывается, Шрам отпускает девушку.

– Какого черта?! – ошеломленная рожденными переживаниями, она пару секунд растерянно взирает на владельца ночного клуба.

Внезапная вспышка острой необходимости быть с мужчиной проходится ядерным взрывом по телу, сметает запрещающие установки мозга и теперь расценивается как предательство, собственно, самой себя. Накануне, уверовав в «северный» настрой и подперев вот-вот грозящий рухнуть частокол воздержания недоверием, она посчитала – больше с ней подобных неприятностей не произойдет. А тут, на тебе!

Внешне Шрам воспринимает все очень спокойно, молчаливо забавляется возмущением. Надо признаться, к ней все также приятно прикасаться, по-прежнему восхитительно целовать. Ему вспоминаются яркие летние фантазии. Увидев впервые, Шрам сразу возжелал девушку без всякого плохого умысла, покуда та не села на мотоцикл к Таро...

Она злится, но драться не лезет. С досадой отпихнув, морщится, утирает размятые губы ладошкой и бросается наутек. Шрам догоняет, хватая за плечи и разворачивает к себе.

– Этого мало. Пойдем и встретимся с ним, – настойчиво объясняет он и волочет обратно.

– Этого уже слишком много! – упираясь, недовольно бурчит девушка. – Чем я только думала, когда соглашалась на эту авантюру?!

– Улыбайся, а то опять поцелую, – насмешливо угрожает Шрам, получая в ответ сверкающий гневный взгляд.

– Позвольте представить, моя... невеста! – нагло врет владелец ночного клуба, заходя к музыкантам и здороваясь с их менеджером.

– «Перегнул» – думает девушка. Однако спешит тоже поздороваться со всеми, возбужденно сверкая глазами, сдержанно улыбается. Как в тумане замечается знакомая фигура.

Таро сильно бледнеет, волнуясь, видимо напрягается. Шрам, напротив, спокоен, вежлив, доброжелателен, здоровается с солистом и менеджером рок-группы, перекидывается парой фраз. Время для общения крайне неподходящее, но менеджер – невысокий объемистый мужичок с лоснящимся лицом в дешевом костюме – вытягивается перед ним, демонстрируя вышко-

ленную учтивость продавца-консультанта. Шрам не из тех, кому принято в чем-либо отказывать.

Владелец ночного клуба снисходительно предлагает музыкантам свои прежние связи в сфере музыки в Милане и Марселе. Польщенные внезапным вниманием, те полны благодарности. Но Шрам их почти не слушает. Игривость искриться в его взгляде, часто обращенном к своей растерянной спутнице.

Подготавливаясь к выступлению, музыканты поглядывают на парочку. Пристальной всех смотрит Таро. Переходя с места на место, он, видимо, надеется перехватить взгляд нежданной гостьи.

Девушка не видит, не замечает его, старается успокоиться после поцелуя и не встречаться с Таро взглядом, избегает смотреть в его сторону, каждый раз демонстративно отворачиваясь. Слишком дорого стоила ей привязанность к немому рок-музыканту. Обида цементирует стену отчуждения. Девушка не хочет ничего знать о Таро, поглощена наматыванием пряжи волос на палец и рассматриванием всевозможных фотографий, рисунков и афиш, расклеенных по стенам.

Пользуясь случаем, она поворачивается ко всем спиной. Надо немного прийти в себя и не мешать другим переодеваться. Махровая смесь парфюмерной воды, пота и сигарет, щекочет ноздри. Звуки, шорохи, голоса наполняют небольшое пространство суетой.

Очень скоро ничем, казалось бы, не примечательные, обычные с виду парни перевоплотятся и возникнут перед толпой своих восторженных «альтов» в сценических образах, выпускающая из себя иную сущность. И любимый рок вскроет внешнюю оболочку зрителей, прошьет насквозь сердца, ворвется в души, схватит и рванет куда-то ввысь, позволяя ненадолго встать на острую грань между страданием и ликованием. Девушка знает, как это бывает.

На одной из афиш, датированной месяцем назад, замечаются узнаваемые лица. Собранный серьезный солист, хулиганистый отрывной бэк-вокалист, бесшабашный басист и поэтически-мрачно-задумчивый интроверт-барабанщик – ребята ничуть не поменялись. Смотрят как живые.

– «Tormenta!» Они добились, чего хотели! – восхищается она вслух.

– Вы знакомы? – интересуется у девушки менеджер, подходя к ней вслед за Шрамом.

– Да. Серхео, Анхель, Хосе и Мануэль, – не оборачиваясь, улыбается она.

– Хорошие ребята. Смышленные и талантливые. Не «заславившиеся». Серхео одно время работал с нашим басистом, – сообщает менеджер и рукой показывает в направлении Таро.

– Я в курсе, – кратко откликается девушка, не удостоив музыканта вниманием.

– Они еще приедут, – говорит Шрам. Взглянув на афишу, обнимает девушку сзади и, несмотря на мягкий протест, притягивает к своему телу ближе.

– Как все изменилось с тех пор... – рассеянно отмечает она, понимая, что вырваться сейчас не может. Или не хочет? Пока решается вопрос морали тело сладко замирает.

Шрам поворачивается вместе с ней к менеджеру и аккуратно прижимает к себе. Изредка касаясь щекою ее волос, он продолжает прерванный разговор.

«Да, – думается ей с горечью русалочьей ненасытности. – Карлос умеет убеждать. Для окружающих все выглядит вполне достоверным. Для них мы – пара».

Девушка уступает, сдается. Почему-то ей комфортно, заманчиво уютно, многообещающе приятно. В длительном спокойном соприкосновении с владельцем ночного клуба, особенно в присутствии Таро, девушке странным образом вдруг воображается предложенная безопасность.

Общаясь с менеджером, Шрам покачивает ее в своих объятьях, отмечая расслабленную отзывчивость маленького тела. И опять худенькие плечи, мягкие светлые волосы, доверчивое спокойствие начинают волновать его.

«А обними я тебя так несколько месяцев назад, ты царапалась и кусалась бы» – отмечает Шраму про себя.

Девушка вздыхает. В одинокой своей мечтательности, она жадно впитывает случайное тепло сильного. Лицо приятно озаряется. Конечно же, все это мираж, просто выдумка. Но когда Таро оказывается слишком близко с намерением пообщаться, девушка сама прижимается к владельцу ночного клуба, разворачиваясь в кольцо крепких рук, обнимает его за талию, пряча лицо на груди.

Шрам довольно улыбается. Таро становится угрюмее, выдерживая презрительный взгляд соперника с плохо скрываемой неприязнью. А ей все равно. Только перед Серхео, наверное, было бы сейчас стыдно за разыгрываемый спектакль. Когда-то они обменялись своими личными переживаниями. Серхео знал ее историю... ее боль... ее ожидания...

Приятная фальшь рождает у двоих ощущения особенного единения, которое хочется не только продлить, но и продолжать испытывать на самом деле, с полной взаимностью. Как это сделать – никому не понятно.

– Оставайтесь на выступление, – предлагает солист группы.

– Спасибо, мы... – пытается отказаться девушка, но руки Шрама умышленно сжимают. «Будет, как я скажу» – дает понять он и приглашение принимается.

– Нам бы еще времени! Итак, припозднились, – просят менеджера музыканты, спешно переодеваясь в рабочем беспорядке. Напрасно девушка деликатничала. Присутствие дамы их нисколько не смущает. Гастрольная жизнь сродни походной или военной.

– Сейчас дам отмашку местным, – откликается тот. – Пусть подольше поработают на разогреве.

– Пошли, послушаем их, – говорит девушке Шрам, раскрывая объятия.

Прекращая взаимные объятия, двое заговорщиков многозначительно переглядываются. Отблеск приятной тайны играет на припухлых мужских губах, мешает девушке сосредоточиться. Опоминаясь, она прячет взор и послушно идет, куда он зовет.

– Для вас лучшие места! – угодливо улыбается менеджер, жестом приглашая проследовать в зал через служебный вход.

Выступление молодой практически никем неизвестной группы уже началось. Четверо длинноволосых, все в коже и металле, играют под «минус» узнаваемую композицию из репертуара «AC DC».

Небольшой, но полный зал фанатов рока снисходительно внимает новичкам в ожидании основного действия. Некоторые особо молодые и неискушенные особи, видимо попавшие на концерт впервые, рановато начинают посвистывать и ритмично потрясать «козой» из оттопыренных двух пальцев. Остальные в ожидании переминаются с ноги на ногу, так сказать, настраиваются. Зачехленные в черное, энергия и адреналин ждут своего момента, чтобы сорвать с людей маску дремотного спокойствия, превратить их в единый организм, бушующий и беснующийся под сокрушительной силой искренней музыки. Искренней и беспощадно-честной.

Пустующие VIP-места находятся на отдельном возвышении напротив сцены. Не давая присесть рядом, Шрам подхватывает и усаживает девушку себе на колени.

– Здесь нас не видно! – протестует она.

– Тшшш! – Шрам кивает на сцену.

Воздух взрывается следующей музыкальной композицией. Исполняется «Shades of War», кавер на Nothgard. Девушка забывает разозлиться на владельца ночного клуба, вслушивается в незнакомую песню, тревожится смыслом исполняемого.

Напористость царапает нервы, бьется в висках. И пусть играет один и тот же риф всю песню, а исполнение не слишком профессиональное, но слова растягивают внимание, уводят гулками ударами сердца в тревожность. Это обглаживает спокойствие.

Смирясь кое-как с нахождением на коленях у мужчины, девушка отвлекается на музыку, машинально впитывает смысл, учится, размышляет.

«Рожденный сражаться в мире другого человека. Его Пути не избежать никому!» – приходит ей на ум сконцентрированное содержание песни. – «Тени войны разжигают священный огонь вечной битвы. Жизнь. Смерть. Только вместе, рядом, вгрызаясь друг в друга, они и существуют. Другого значения просто нет!»

Владелец ночного клуба не заинтересован в выступлении. Внимание сконцентрировано на спутнице. Устремляя взгляд на сцену, она вся там, выпрямляется натянутой тетивой.

– И как всегда бескомпромиссно! – вырывается у нее на непонятном для Шрама русском. Из зала доносится первая восторженная реакция многих зрителей. Далее – переход на нейтральный блюзовый проигрыш под «минус». Можно расслабиться и перевести дух.

Шрам трогает девушку за подбородок. Оборачиваясь, она взирает задумчиво и отстраненно, будто бы вспоминает кто он такой. Вдоволь насмотревшись со стороны на ее одержимость роком еще летом, а теперь и прямо у себя на коленях, Шрам расстегивает на девушке косяку. Загрубевшая замша не дает чувствовать ее.

– Ты чего?! – потрясенная новой выходкой, возмущается она.

– Мешает, – поясняет Шрам, не обращая внимание на попытки воспротивиться. Взгляд жадный и обещающий гуляет по сокрытому одеждой. Мужские руки обхватывают девушку, ныряя под толстовку.

– Мы так не договаривались! – сопротивляется она, пытаясь выскользнуть с его объятий и встать, но ее держат крепко.

– Сиди смирно! Таро наблюдает из-за левой кулисы, – говорит Шрам, поглаживая.

– Это уже слишком! Ты бессовестно пользуешься моментом! Прекрати! – возражает девушка, впиваясь Шраму в плечи ледяными от волнения пальчиками.

Он останавливается, утыкаясь носом, проводит им по ее коже от виска до ключицы, вызывая озноб. Ее легкий запах отливает мускатным зноем. Смешанный с утренней прохладой цветущей апельсиновой рощи, благоухает он на разгоряченном непознанном женском теле.

От обнюхивания жаркие волны накрывают девушку с головой, закрывают глаза, расслабляют губы. Становится тесно дышать. Но тут срабатывает предохранитель памяти, ворочает острую занозу в самой сердцевине.

«Старые потери непременно воскреснут в новой» – понимает она. Станет еще больней. Нет! Нет! Север успел поселиться в крови. Он напоминает об условности их сближения, отрезвляет. Из всех сил должно сопротивляться! И себе. И ему.

– Не надо! – с трудом отклоняется девушка, когда Шрам вновь находит себе занятие на ее шее, подбираясь к особо чувствительному местечку.

«Что со мной? Почему вопреки всему меня опять влечет к этому самоуверенному наглецу?» – беспомощно недоумевается ей сквозь перехлестывающие неотвязные позы податься мужскому домогательству.

Непокорный бархатный изгиб, близкое поверхностное дыхание, дразнящий запах не дают Шраму отвлечься и вырвать из себя вонзенные ногти. В ответ он кусает ее там, где только что ласкал губами.

От происходящего она вскрикивает и нервно прижимается вплотную, в произвольном порыве обхватив ему голову обеими руками. Пальцы сами скользят по волосам. Распушенные, они доходят Шраму до лопаток. Невероятно мягкие, в отличие от характера мужчины, волосы занимают ее, пока собственное тело находится в плену.

Ошеломленный ее лаской, владелец ночного клуба замирает, отслеживая каждое касание к себе, каждое поглаживание с болезненным удовольствием. Затем его губы отправляются на поиски, тихо и нежно находят ее рот, заставляют раскрыться. Не в силах отказаться от пере-

живаемого добровольно, едва откликаясь взаимностью, девушка позволяет ему продолжать. И Шрам делает это очень медленно.

Звуки рока уминаются восставшей древней силой, однако собственный бессовестный стон возвращает девушку в реальность. Страхивая истому, она выкарабкивается из удовольствия. Возвращаясь к условностям действительности, начинает вырываться. Известно, куда может завести потворство своему и чужому влечению.

Ощущая внутри странную дрожь, Шрам позволяет девушке отодвинуться, но не встать с колен. Застывший, напряженно-бледный не улыбочивый с пристальным горящим взглядом, он страшит ее куда сильнее обычного.

– Я не хотела, – бросает она, стыдливо отворачиваясь.

Ее нежная бархатная кожа, тонкий стан, пьянящий запах, робкая сладость губ – совсем недавно все это принадлежало лишь ему. Шрам чувствовал, был уверен. Непонятно, что именно произошло, но на миг девушка отдалась ему.

– Когда не хотят – в ответ не целуют! – замечает он, затаенно взирая. Пустота его души успеваешь вобрать прелесть их непредсказуемого соединения. Вытолкнутый из глубины тонкого переживания Шрам почти осязаемо видит, насколько быстро сокровенное затягивается, пропадает, загрязняется грохотом музыкальных инструментов, резкими голосами, шумами, разноплановым вторжением окружающей действительности во внутренний мир.

– Наше... притворство слишком далеко заходит! Хватит! – девушка пытается избавиться от плена горячих рук.

Принимая знакомый самоуверенный вид, владелец ночного клуба косо усмехается.

– Притворство, говоришь? Ага! А это что, тоже игра? – одна из его рук ложится на ее небольшую вздымающуюся грудь, где усиленно бьется сердце. Девушка дергается, но Шрам не позволяет встать.

– Не зли меня! Ты сама согласилась на эту роль, – резонно напоминает он.

– Не на такую же откровенную! – жалобно возмущается девушка. Упираясь, краснеет, не зная куда деваться. – Убери руку!

Шрам молчит. Бесноватые огоньки так и пляшут в темноте взгляда. Не оставляя попыток освободиться, девушка показывает свою неуступчивую натуру.

– Мне нужно выйти. Пусти!

Шрам не реагирует, наслаждаясь сопротивлением бьющейся добычи. Девушка перестает вырываться, стихает.

– Прошу тебя! – через силу выговаривает она, смотря на свои ноги. Нечто смутно различимое, запрытанное в женской природе, приятно тревожит.

Оценив ее реакцию, Шрам заставляет посмотреть себе в глаза, без труда читая смесь стыда, растерянности и возбуждения.

– Помни, ради чего ты здесь, – предупреждает он.

Задыхаясь, девушка вскакивает с его коленей и поспешно удаляется. Надо собрать остатки воли и здравого смысла.

Холодный воздух коридоров, холодная вода в умывальнике, холодный блеск поверхности зеркал забирают излишний пыл, унимают дрожь, смиряют разыгравшееся воображение.

– Успокойся! Такие как он предпочитают спать с развратными девками, и понятия не имеют, как любить настоящих женщин, – выговаривает она своему зеркальному отражению.

«Забыла про Камиллу?..» – услужливо напоминает ей память.

Девушку передергивает. Да, когда-то Карлос любил жену Таро. Лучше бы ей не слышать его откровений в злополучном подвале, не видеть боль сильного мужчины. Что за женщина была Камилла? Чем смогла заслужить настолько сильную любовь? Девушке непонятно. Ее саму никто никогда так не любил...

Немного постояв в туалете перед своим отражением, поупрекав себя за все и за всех, девушка направляется обратно.

А в коридоре навстречу спешит Таро. Осветленная длинная грива медового цвета развивается от быстрой ходьбы. Бледное лицо серьезно. Пристальные темно-кофейные глаза стремительно приближаются. Вместе с ним надвигается утраченное прошлое.

Вздрогнув от неожиданности, девушка замирает на месте. Нахмурившись, она оглядывается по сторонам, в стремлении отгородиться от Таро, ищет Шрама и не находит.

Таро подходит и останавливается перед ней. Делая жест, предупреждающий подождать, начинает что-то писать ручкой на принесенном с собой блокноте.

«Это правда?! Вы поженитесь???» – пишет Таро на бумаге.

– Запоздало интересуешься, – равнодушно замечает девушка. Собственный тон придает ей уверенности. Запустив руки в карманы джинсов, значительно уступая Таро в росте, она умудряется глядеть на него свысока.

Таро нетерпеливо комкает блокнот, быстро малюя каракули, опять протягивает ознакомиться с написанным. Пока девушка читает, обращенный к ней взгляд немого музыканта полон беспокойством и сожалением.

«Я не понимаю!» – пишет Таро. – «Ведь Карлос сделал тебе много плохого».

Она печально усмехается и качает головой.

– Карлос был хотя бы честен в своих словах и поступках! – говорит она. Тон сказанного и выражения лица выражают упрек.

«Почему ты с ним???» – настойчиво интересуется Таро.

– Да потому, что он сильный! – разносится в пустоте звенящая возмущением женская обида.

«А ты – нет!» – досказывает все остальное. Комок подступает к горлу. Притаившиеся слезы напоминают о возможности излиться прямо перед бывшим возлюбленным.

Смысл ответа уязвляет немого музыканта. Он пишет:

«Мстишь мне?»

– Нет. Просто тебя больше *нет* в моей жизни, – морщась, девушка отворачивается. Не может и не хочет продолжать бессмысленный диалог ни о чем.

Таро пытается подойти ближе, дотронуться. Боковым зрением девушка улавливает движение и предусмотрительно отстраняется, избегая прикосновения.

– Дай пройти! – раздраженно произносит она.

Совсем рядом слышатся шаги. Кто-то неторопливо постукивает обувью по керамическим плиткам пола. Из-за угла показывается торжествующий владелец ночного клуба. Задерживаясь на месте, он желает еще раз оценить происходящее со стороны. В пустом коридоре хорошо разносятся слова. Оставаясь незамеченным, Шрам все слышал.

«Тем лучше!» – решает девушка. – «Неопровержимые доказательства предъявлены».

Перед Шрамом она меняется. Теперь на лице растерянность граничит с мучительным переживанием стыда.

– Он пристаёт к тебе? – угрожающе спокойно спрашивает Шрам.

– Нет, нет! Все хорошо! – быстро отвечает девушка. Вспоминая их побоище в подвале, она опасается вновь спровоцировать между мужчинами драку.

– Нам пора, – говорит он.

– Да, поехали, – просит она, зябко втягивая голову в плечи.

Обходя Таро, Шрам приближается к девушке, поднимает за подбородок и заглядывает в лицо. Несколько секунд он пристально ищет прошлое в глубине ее глаз и не находит. Будто бы успокоившись, слегка улыбаясь, Шрам по-хозяйски оглаживает ей волосы. Редкое сочетание – белокурые и длинные – они опять завладевают вниманием, ворожат.

Таро психует. Летом дела обстояли с точностью до наоборот: немой музыкант сам оберегал девушку, неоднократно вырывая из лап владельца ночного клуба. Мог ли он знать тогда, насколько глупо было ревновать ее к Диего?.. И сейчас становится вдруг невыносимо смотреть как маленькое искреннее отвергнутое им счастье, опустив голову, уходит. Музыканту вдруг становится невыносимо тяжело от груза собственного одиночества. Это слишком запоздало им понимается ценность утраты.

Уводя к выходу, Шрам обнимает ее. Раздосадовано вздохнув, девушка подчиняется. Кажется, они идут слишком медленно. Она мечтает исчезнуть отсюда как можно быстрее.

Позабыв о выступлении, о выходе на сцену, Таро остается стоять в пустом гулком коридоре. Один. Расставаясь летом с этой девушкой, он свернул не туда.

На холодной улице лица двоих принимают честное выражение. Девушка вырывается, порываясь бежать. Шрам сразу же ловит за руку, резко дергая на себя. Она с размаху утыкается лицом прямо ему в грудь. Тянет позорно разревевшись.

– Уйдешь, когда я разрешу, – поясняет Шрам, вынуждая поехать с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.